

АНДРЕЙ ЛАРЧЕНКО-
СОЛОНИН

ИНОК

Андрей Ларченко-Солонин

Инок

«Автор»

Ларченко-Солонин А.

Инок / А. Ларченко-Солонин — «Автор»,

«Вдоль старого высохшего русла ручья по каменной россыпи пробирался невысокий пожилой человек. Колючий осенний ветер бил ему в лицо, раздувая в разные стороны седые, давно не стриженные волосы, выступающие из-под шляпы, которая каким-то невероятным образом все-таки умудрялась удерживаться на голове. Двигался уверенно. По всему было видно, что ходить по этой «дороге» ему уже не впервой. Следом, чуть прихрамывая, старался не отстать другой, немного повыше ростом, определить возраст которого возможности не представлялось из-за бороды, закрывающей всю нижнюю часть лица. А замыкала процессию собака. Хотя нет. Животное, скорее всего, вовсе не было собакой. Огромных размеров волк мирно плелся позади людей. И эту странную картину, увидев единожды, забыть совсем невозможно, наверное, уже никогда...»

© Ларченко-Солонин А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Ларченко-Солонин

Инок

Книга 1

*Сказать, хотелось бы немного.
Чужую душу не понять:
Ведь жизнь, что дальняя дорога –
Свой путь, тебе лишь выбирать.*

*Если вокруг стоит глухая стена, не стоит биться об неё головой,
даже если ничего другого просто не остаётся.*

*События, изложенные в данной книге, вымышлены, а все
совпадения с реальными людьми случайны.*

Пролог

Недобрый свет луны,
И путь их был не лёгок.
Немая пыль дорог
Души не пощадит.

Не думай ни о чём,
Не страшен мрак и холод,
Неведомая боль
Не дремлет, не молчит.

Не верил, не кричал,
Не слушал, не боялся,
Несбыточной мечтой
Себя не искушал.

Недавний друг предал,
Сквозь слёзы не смеялся,
Не проклят был судьбой,
Себе не изменял.

Удачи не узнал,
А горя не измерил.
В опасный поворот
Входил, не тормозя.

И лишь надежды луч
Заметив, вдруг поверил:

Коль солнце светит вновь,
Жизнь прожита не зря.

Вдоль старого высохшего русла ручья по каменной россыпи пробирался невысокий пожилой человек. Колючий осенний ветер бил ему в лицо, раздувая в разные стороны седые, давно не стриженные волосы, выступающие из-под шляпы, которая каким-то невероятным образом все-таки умудрялась удерживаться на голове. Двигался уверенно. По всему было видно, что ходить по этой «дороге» ему уже не впервой. Следом, чуть прихрамывая, стараясь не отстать другой, немного повыше ростом, определить возраст которого возможности не представлялось из-за бороды, закрывающей всю нижнюю часть лица. А замыкала процессию собака. Хотя нет. Животное, скорее всего, вовсе не было собакой. Огромных размеров волк мирно плелся позади людей. И эту странную картину, увидев единожды, забыть совсем невозможно, наверное, уже никогда. Что за обстоятельства могли соединить воедино серого, безжалостного хищника и этих двоих людей? И лишь глаза могли, пожалуй, многое рассказать. Леденящий душу взгляд зверя, который забывает даже про собственную жизнь, вступая в схватку с противником, намного превосходящим его по силе, и холодный взгляд человека, поставившего все на карту во имя достижения одной-единственной, так нужной ему цели. Человека, который, не задумываясь, вступит в бой с более сильным соперником, не размышляя об исходе поединка. И тот, и другой будут драться до конца, до последнего вздоха, даже если враг уже нанес удар ножом в спину, вслед за которым неминуемо последует смерть. Ибо зло не должно победить. Оно может убить правду, но уничтожить ее совсем – никогда.

Часть 1

Глава 1

Я этот край люблю. Ему я благодарен
За то, что он, спокоен, величав,
Всегда был добр ко мне и был всегда печален,
Когда судьба ударит, накричав.

В глаза векам смотрел с улыбкой горделивой.
Сомненья прочь. Идти вперёд позвал.
И вновь своей поддержкой молчаливой
В тяжелый час вновь к мудрости воззвал.

Коль в горы путь – нелёгкая дорога,
Без отдыха и сна идти давно устал.
Взглянув в глаза озер, увидел очень много,
Сказал: «Я никогда тебя не предавал».

Родной Урал, как величаво – строга
Седых вершин таежная краса!
Тропой невзгод до милого порога
Через твои ущелья и леса.

И может быть, тогда, в ту пору роковую
Чужую жизнь на смерть не променял,
А для меня в минуту эту злую
В душе отца родного заменял.

Сквозь дым пожарищ, стон и боль сомнений
Прошел – и вот уже родной причал.
Небесный свет пророк и мудрый гений
Тропу во мраке ночью освещал.

Люди шли молча длинной цепочкой, стараясь шагать след в след. Так легче и безопаснее. С неба сплошной стеной сыпал мокрый снег. Тонким покрывалом ложился он на тропинку, петляющую вдоль обрыва, и предательски прикрывал землю, грязь, камни. Ту самую землю, которая служила путникам опорой и помогала удержаться на краю пропасти.

Внизу глухо рокотала река. Шедший почти месяц дождь сделал своё дело. Небольшая горная речка превратилась в мутный бурлящий поток, что нёсся с огромной скоростью одному ему известной дорогой, сметая всё на своём пути. Казалось, какая-то неведомая сила толкает его вперёд, заставляя переворачивать огромные валуны, бурлить и пениться. Иногда тропа проходила по самой кромке скалы. Тогда не было слышно уже ничего: ни звука шагов, ни звонкого лая бегающей рядом собачонки, неизвестно зачем взятой в экспедицию. В эти минуты рокот реки начинал представляться идущим каким-то зловецким хохотом, от которого мурашки начинали бегать по коже. В нём не было ни угрозы, ни оскорбления, но была какая-то

страшная насмешка над их бессилием и ничтожеством против могучей силы природы, которая сочеталась с предупреждением о том, что ждать пощады и рассчитывать на милость победителя, пожалуй, не стоит.

Сергей шёл в середине колонны. В экспедиции он оказался впервые. Сегодня пошли уже вторые сутки пути, но всё происходящее вокруг представлялось пока только игрой. Игрой во что-то неизвестное, и чрезвычайно интересное. Возглавлял шествие Александрыч, таёжник опытный и много повидавший на своём веку. На вид ему лет сорок. Сам родом откуда-то из-под Екатеринбурга, из далёкой глухой деревеньки. Среди людей, Александрыч слыл человеком честным, прямым, но в то же время угрюмым и неразговорчивым. На все вопросы отвечал коротко: «Угу», «А я почём знаю» или «Не твоего ума дело». Больше про него ни – кто ничего не знал. За исключением, пожалуй, Толика, который являлся, по всей видимости, если и не родственником, то просто копией этого человека, только лет на двадцать моложе. Даже в дороге они всегда ходили на пару. Следом за Александрычем занимали своё место Пашка и Лёлик. Два друга, два разговорчивых и общительных паренька, что готовы прийти на помощь в любую минуту, по крайней мере, так казалось со стороны. Про них Александрыч, состоявший начальником в экспедиции, однажды, сурово сдвинув брови, заметил: «Таких тайга не любит». И больше из него вытянуть уже ничего не удалось, а о смысле сказанного оставалось только догадываться. Замыкали колонну Сашок и дядя Гриша. «Старый да малый» – так шутливо называли их ребята. Оба казались людьми довольно замкнутыми в себе, но в то же время обладали каким-то особенным чувством юмора, что делало ребят душой компании и позволяло поддерживать разговор практически на любую тему. Дав друзьям свою оценку, Александрыч сказал однажды: «Такие люди нам нужны».

Двигались медленно. Тропинка, по которой уже давно никто не ходил, петляла по склону скалистой гряды. Внизу всё так же шумела разбушевавшаяся речка. А на другом берегу подымал свои могучие плечи огромный горный хребет. Казалось, он был гораздо выше того, по которому пробиралась экспедиция. Место это пользовалось в народе недоброй славой. Названия говорили здесь сами за себя. Узкая межгорная котловина носила имя Долины смерти. Охотники обходили ее стороной. Наверное, именно поэтому тропой давно никто не пользовался. Старожилы рассказывали, что время от времени здесь происходят странные вещи, часто теряются люди. Их искали. Сотни опытных таежников днем и ночью прочесывали каждую пядь местности. Правда, никогда еще никого не находили. Возможно, что это была простая случайность, странное стечение обстоятельств. Но, как любил повторять Александрыч, цепь случайностей всегда порождает закономерность. Нерадостное название мест, по которым проходил маршрут, наводило на довольно определенные мысли. Может, по – этому, а может быть, и по какой-либо другой причине люди шли молча, напряженно вслушиваясь в рокот реки и опасно озираясь по сторонам. Неожиданно для всех идущий впереди Александрыч вдруг остановился.

– Чувствуешь? – спросил он у Лелика. В нос Сергею ударил резкий запах дыма.

– А что я, собственно, должен чувствовать? – спросил Лелик, с интересом глядя на товарища.

– Дым, дурила.

– А-а. Нет, не чувствую. У меня насморк.

Запах дыма непривычно резал ноздри.

– Но кто это может быть? Охотники в эти места не заходят, а уж устраивать здесь привал они бы и тем более не стали. Грибники и ягодники? Но они и летом-то сюда не заглядывают. До ближайшего жилья километров пятьдесят, не меньше. А в лесу поздней осенью, кроме рябины и шиповника, пожалуй, и ягод-то не сыскать. Нужно все выяснить. В подобных обстоятельствах мелочей быть не может.

Легкий ветерок дул с юго-запада. Человеку сведущему это говорило о том, что костер находится за той огромной скалой, что с невозмутимым видом преграждала путь реке, заставляя ее делать лишний крюк и вызывая тем самым на себя потоки брани и бессильной злобы со стороны разбушевавшейся речушки.

– Со мной пойдет Сергей. Остальные ждите в расщелине скалы. Если до утра не вернемся, поворачивайте обратно и доложите о случившемся нашему начальству, – и добавил, хмыкнув:

– Ну, это я так, на всякий случай. Группа людей медленно пробиралась по самому дну глубокого оврага к той самой скале, у подножия которой, собственно, и брал свое начало небольшой ручеек, что весело журчал сейчас у них под ногами.

– Весной здесь бушует горный поток. Рождаясь где-то на вершине, он разрезает утес на две почти равные части, образуя внутри просторное помещение в виде грота. Вот тут и остановитесь.

Говорил спокойно, вернув лицу обычное, мрачно-угрюмое выражение.

– Костер не жечь! Пошли, Сергей.

Они молча двинулись дальше в глубь леса, осторожно пробираясь вдоль почти отвесной каменной стены.

Ребята провожали друзей тревожными взглядами. В глазах одних виделось облегчение оттого, что не нужно идти дальше и подвергать себя лишней опасности. Во взгляде же других, напротив, присутствовало сожаление, ведь, повинаясь приказу старшего, они вынуждены отпустить дальше товарищей одних и тем самым лишиться возможности прийти им на помощь, если она вдруг понадобится.

– Сергей, будь внимателен, – вновь негромко повторил старик. Единственное оружие, имеющееся в отряде, семизарядный карабин, он наготове держал в руках.

– Вон за тем распадком начнем подниматься вверх. Южный склон более пологий, к тому же порос лесом и крупным кустарником, что поможет нам остаться незамеченными.

Дальше двигались молча. Слова в сложившейся ситуации, пожалуй, просто не уместны. Они могли понять друг друга с полужеста, полувзгляда. Страхочная веревка метров десяти длиной связывала двух людей в единое целое. Первым отрезок пути проходил Александрыч. Затем он останавливался, цепляясь за какую-нибудь кривую сосенку, и Сергей поднимался к нему. А пройти предстояло метров 500–600. Но, только увидев этот склон, что чередовался с почти отвесными стенами, можно понять, что это были за метры.

Сергей – молодой парень, неплохо подготовленный физически, крепкого телосложения и, кроме всего прочего, имеющий определенную альпинистскую подготовку. Но Александрыч – тот творил что-то невероятное. Словно обезьяна, он прыгал с камня на камень, с ветки на ветку. Порою, пробираясь вперед, полз на четвереньках или даже на животе. Серега едва успевал за товарищем. Ему было стыдно сознаться старику в своей слабости. Но чтобы не упасть, он (всего один раз!) попросил у него передышку. На лице у напарника не возникло ни усмешки, ни ехидства – ничего такого, что могло бы хоть как-то унижить или оскорбить. Он лишь молча присел на корточки и, чтобы не терять времени даром, еще раз проверил свой карабин, висевший до этого за плечами.

Сделав по глотку крепкого чая из фляжки, двинулись дальше. Но этот глоток – он, видимо, сблизил двоих, людей, намного сильнее, чем самое шумное застолье. Только разделив с другом последнее и повиснув при этом над пропастью, начинаешь понимать цену истинной мужской дружбы. Начинаешь понимать, что эта цена не может быть измерена, пожалуй, ни – какими деньгами и стоит даже больше, чем жизнь. Но говорить об этом вслух, конечно же, не нужно, ибо нет таких слов, которые бы могли выразить человеческую душу.

До вершины оставалось уже совсем немного. Оба изнемогали от усталости. Вновь останавливаться для отдыха нельзя. Во-первых, нет времени, ну, а во-вторых, если остановиться сейчас, то заставить себя двигаться дальше потом было бы уже почти невозможно.

И вновь два путника отчаянно карабкались вверх по склону, пытаясь не сорваться с сырых и скользких камней. Первым на вершину выбрался Александрыч. Он волоком вытащил Сергея за собой. И откуда только брались силы у этого пожилого человека!

Верхушка утеса представляла собой небольшое и относительно ровное плато, состоящее из сплошных каменных завалов, поросшее невысокими кривыми деревьями и мелким кустарником. Это была просто идеальная площадка для наблюдения. Расположившись примерно в ста метрах друг от друга, стали ждать. Те люди, что жгли костер, вряд ли станут ночевать у западной, голой части скалы. Там нет воды, мало дров, а кроме всего прочего, это место, как говорится, открыто всем ветрам.

Александрыч рассуждал вслух: «Если же они все-таки останутся там, ночью мы подберемся поближе к лагерю, чтобы, наконец, выяснить, кто эти бродяги. Но, скорее всего, неизвестные гости уйдут отсюда, чтобы подыскать другое, более подходящее для ночлега место. И тогда они неминуемо окажутся у нас в поле зрения».

Погода менялась быстро. Еще накануне днем старик предупреждал, что к вечеру снег перестанет, так как ветер сменился, и на ночь нужно одеться потеплее: могут быть заморозки. И действительно, подул резкий, порою пробирающий до самых костей северный ветер. Небо начинало постепенно проясняться. Солнце пряталось за скалистую гряду, расположенную на западе. Горные хребты, словно огромные исполины, вытянули свои могучие каменные спины, нежась в последних, таких скудных на тепло и вместе с тем таких долгожданных лучах вдруг появившегося осеннего светила.

Все вокруг сделалось ярко-красным. Даже снег искрился и переливался каким-то особенным, красноватым отливом.

Внизу петляла и извивалась речка. Отсюда она казалась маленькой и слабой, а ее шум тихим и неестественным. А кругом – одни горы, скалы и тайга, тайга тайга до самого горизонта.

Что таила она в своих далях? Есть ли какая-то хотя бы малая доля правды в тех легендах, что сложены про эти места? Какие секреты скрывают от нас эти горы? Выпустят ли они людей живыми отсюда, или им всем суждено, как и многим другим, остаться здесь навсегда? Что за незнакомцы пришли нам навстречу давно не хоженной тропой в этой угрюмой долине?

Эти и еще многие другие вопросы вертелись в голове у Сергея. Но в ответ горы лишь угрюмо молчали. Что для них ничтожный человек? Вся его жизнь – лишь краткий миг по сравнению с нескончаемым веком древних гигантов. Быть может, они и испытывали где-то в самой глубине души смутную симпатию к некоторым из людей, но, наверное, даже сами себе в этом боялись признаться. Человек улыбнулся. Странно, но ему стало необыкновенно хорошо и тепло среди завалов из холодных камней и сплошной стены мрачного и непроходимого леса.

«А может быть, они действительно нам помогут?» – неожиданно для самого себя подумал Серега и на мгновение замер. Александрыч поднял руку и напряженно стал всматриваться в даль, поднеся к глазам бинокль. В стремительно наступающих сумерках на белом фоне снежного поля отчетливо виднелось несколько человеческих фигурок. Незнакомцы шли быстро, видимо, спеша поскорее устроиться на ночлег.

– Наверно, охотники, – неуверенно проговорил Серёга. Старик усмехнулся:

– Хорошо бы, но у охотников, как правило, не бывает автоматов Калашникова за плечами. Мы пришли сюда длинной дорогой. Двигались вдоль реки и отклонились от маршрута, оказавшись на месте на сутки позже, чем были должны. Возможно, что странные люди планировали выйти на наш след, но зачем?! Об изменении маршрута я не говорил никому. То, что эти четверо оказались в долине примерно в одно и то же время с нами, само по себе еще ни о чем не говорит, хотя это немного странно, если учесть то, как безлюдны и непроходимы здеш-

ние места. Да и цель похода у нас, скорее всего, одна и та же. Тропа может привести только в одно место, в Урочище дьявола. Всего лишь небольшой кусок земли, зажатый со всех сторон горами, про который в народе сложено огромное количество самых что ни на есть небылиц. Видно, что-то есть в этом странном месте такое, что, словно магнит, притягивает к себе людей. Ну что ж, пойдем за ними. Главное – постараться остаться незамеченными. В конце концов за то нам и заплатили, чтобы пролить хоть какой-то свет на кромешную тьму, покрывающую сплошной завесой эти места.

– Заплатить-то заплатили, но пока только половину, да и оружия маловато – один карабин на всех. А может быть, тот, кто снарядил сюда экспедицию, не особо-то и верил в возвращение отряда, – проговорил Сергей.

– Ну, всё, – Александрыч прервал его на полуслове. – Хватит лирики. Пора спускаться. Уже совсем темнеет. Переночуем внизу, в пещере. Места там достаточно, да и костер не так заметно. А завтра с утра в путь. Ни с кем пока в откровение не вступай. Скажем, что охотники, наверное, забрели. Бояться, я думаю, нечего.

Двигаться вниз оказалось гораздо легче. Быстро спустившись по веревкам, резвым шагом направились обратно к лагерю. Ребята обрадовались возвращению друзей, все много шутили и смеялись. Видимо, людям стало хорошо еще и оттого, что не придется коротать ночь на холоде, без огня.

Убежище представляло собой небольшое помещение, грот, вымытый в скале талыми водами. Вода трудилась здесь сотни, а может быть, и тысячи лет, постепенно побеждая камень. Дым уходил вверх, словно в трубу, а каменные стены не давали теплу быстро улетучиваться. Сквозь узкий проход в потолке уже виднелись отдельные звезды. Ночь быстро вступала в свои права. Ребята молча сидели у огня, и каждый думал о своем. Казалось, что даже река немножко приутихла, повинувшись безудержному, поглощающему все на своем пути дыханию морозной уральской ночи. Летучие мыши беспорядочно хлопали крыльями над головами, несмотря на холод и неподходящее время года. В лесу прокричала какая-то птица. Но все это не нарушало всеобщей тишины и гармонии.

Вдруг ночную тишину прорезал протяжный и унылый волчий вой. Все вздрогнули. От этого леденящего душу звука мурашки забегали по коже. И только Александрыч остался невозмутим.

– Что-то серый расплакался, – невнятно промямлил он себе под нос. – Можно понять бродягу. Тоже нелегко ему одному-то, поди, в лесу живется. Эти слова сразу разрядили обстановку, и новый дом вдруг показался его обитателям необыкновенно уютным. И хотя здесь не было электрического света, а из крана не бежала горячая вода, зато присутствовал какой-то особенный уют, недоступный для просторных городских квартир, где стены гладкие и ровные, где теплей и светлей, но где зачастую нет того света и того тепла, которое может согреть человеческую душу.

Спали здесь же, возле костра, прямо на еловых ветках. Постелив на них палатку и бросив несколько спальных мешков, сгрудились в одну большую кучу. Накрылись кто чем мог. Возле костра решили дежурить по одному, по очереди поддерживая огонь.

Сергей шепотом спросил у Александрыча:

– Послушай, дед, а почему ты называешь Урочище дьявола страшным местом?

Исходя из того, что он узнал об этом человеке за последние несколько дней, стало ясно, что причиной таких слов не могут быть только басни, сложенные народом про эти места. Наверное, есть какая-то другая, более веская причина, идущая из самой глубины души. Причина, которая заставила старика самого поверить во что-то из ряда вон выходящее. Возможно, что именно этим и объяснялась «излишняя», по мнению многих, осторожность старого поводыря.

Александрыч ответил тихо, уже засыпая:

– Молчи уже! Нечего всякими баснями на ночь глядя голову забивать. Но Серёга понял, что этот человек проникся к нему доверием и все равно когда-нибудь расскажет обо всем.

– Ну что ж, пусть все идет своим чередом, – подумал он и перевернулся на другой бок.

Ночью его растолкал Анатолий. Пора становиться на вахту. Очередь подошла. Сергей вылез из-под одеяла, подобрал в костер охапку дров и, зябко поежившись, уселся возле огня.

Утро выдалось морозным. От речки потянуло какой-то особенной, ни с чем не сравнимой свежестью с примесью запаха свежей рыбы и водорослей. Вскоре проснулись и все остальные. Согревшись чаем, быстро собрались и двинулись в путь. Впереди простирался дикий край. Нескончаемые массивы леса сменялись нагромождениями скал и каменных россыпей. В небе одиноко кружил, широко расставив крылья, ястреб. На минуту, застыв над их головами, он, видимо, потерял к людям всяческий интерес и, отлетев немного в сторону, вновь застыл на месте. На нижних ветвях кривой сосны, выросшей прямо из скал, шныряла туда – сюда белка. Она отыскивала шишку, старательно вытаскивала из неё все семечки, а потом выбрасывала и, весело поглядывая на не виданных ею никогда ранее живых существ, принималась искать новую. Вскоре спустились в ложбину, поросшую мелким ольховником. Здесь тропу пересекал совсем ещё свежий волчий след. Матёрый хищник переплыл через речку и ушёл вверх по каменистому склону.

– Здоровый, собака, – крикнув то ли от восторга, то ли просто от удовольствия, полученного от понятной только ему, Александрычу, причины, сказал старик.

– Нас не тронет: во-первых – один, а во-вторых, всегда сможет найти более лёгкую добычу.

Проговорив это, он снова резво двинулся вперёд. Никто, конечно, не испугался при виде волчьего следа. В экспедиции не было новичков, и ребята не в первый раз встречались один – на – один с дикой природой, но всё равно от этих слов почему-то стало легче на душе.

Тропа проходила по верхней границе леса. Здесь идти оказалось гораздо легче, чем пробираться по бурелому. Хотя пожалуй, и само слово «тропа», в данном случае являлось названием весьма и весьма условным. Это была всего лишь та самая тонкая, невидимая ниточка, которую угадывал между камнями проводник, и которая должна была помочь людям добраться до одной – единственной цели – Урочища дьявола.

– А вот и наши гости, – приостановившись, негромко произнес старик. На земле отчетливо вырисовывался человеческий след. Несомненно, это были те самые люди, которых Сергей видел со скалы. Все шли по одному и тому же маршруту, в одно и то же место.

– Дальше будем двигаться двумя группами. Я, Паша и Лёлик пойдем впереди. Остальные – отстанете метров на двести. Оружие возьмёте с собой.

С этими словами он отдал свой карабин Толику.

– Сергей во главе колонны. Старайся не терять идущих впереди из виду, но и слишком близко не подходи. Ваша задача, в случае засады, суметь прийти товарищам на помощь.

Но все и без слов уже всё поняли. Они двинулись вперёд, внимательно осматривая местность и прислушиваясь к каждому шороху.

Так прошли километров пять, пока тропинка не ушла в лес, состоящий из редких, одиноко стоящих елей вперемешку с молодой берёзовой порослью, что образовывала довольно густые заросли. Дистанцию сократили метров до пятидесяти. Но, несмотря на это, Серёга всё равно время от времени терял из виду спину идущего впереди Александрыча, который отчего-то вдруг резко остановился. Старик махнул остальным, чтобы те подошли. Люди собрались, и странное зрелище предстало перед их глазами.

Отчётливый протектор резаной каучуковой подошвы высоких кожаных ботинок, что носили идущие впереди незнакомцы, вдруг исчез. Снег в этом месте был довольно сильно истоптан. То, что здесь произошло, казалось в высшей степени загадочным. На снегу появились следы, чем-то напоминающие отпечатки индейских мокасин. Продолговатые углубления,

в которых прослеживался размытый отпечаток человеческой ступни. От тропинки перпендикулярно в гору уходил точно такой же след, один – единственный, но очень глубокий и отчётливый. Было понятно, что здесь прошли, след в след, несколько человек.

– Предположим, что они просто решили переобуться и свернуть с тропы. Но зачем топтать снег сначала ботинками, а потом мокасинами? След мокасин намного меньше следа ботинок и принадлежит, несомненно, разным путникам. А это что за непонятные углубления в снегу? Такое ощущение, что здесь кто-то лежал. Допустим, что на них напали?

Но эта версия ещё меньше поддавалась объяснению.

– У людей, идущих впереди, есть оружие, но не было слышно ни единого выстрела. А на снегу нет ни следов крови, ни следов борьбы. Казалось, что стоявшие здесь просто мирно курили, обсуждая какие – то житейские проблемы, а потом вдруг исчезли в никуда. Да и откуда они вообще взялись, эти незнакомцы с маленькими ногами и в странной обуви? Ведь не с неба же, в конце концов, свалились? Вокруг не видно никаких следов, кроме следов экспедиции, а уходит в чашу леса – один – единственный отпечаток маленьких ног.

Начинать преследование таинственных пришельцев не возникало ни малейшего желания. Перед отрядом стояли сейчас совсем другие задачи.

– Дальше пойдём вместе, – подвел итог Александрыч. Толик отдал ему ружье, и они двинулись вперёд, даже сами, наверное, не понимая, куда именно может вывести их эта дорога.

Произошедшее не укладывалось в голове. Что за таинственные события развернулись на поляне совсем недавно? Какие ещё сюрпризы готовили незваным гостям здешние суровые места? Лес кончился, и тропа вновь петляла между огромных камней. Солнце уже поднялось довольно высоко и весёлым светом освещало первый, только что выпавший снег, заставляя его искриться и переливаться в своих лучах волшебным и ни с чем не сравнимым сиянием. Горы дремали, греясь и нежась в этих лучах, таких скудных на тепло, но, несмотря на это, таких ласковых и долгожданных. Впереди предстоял переход километров в двенадцать. Недавние события постепенно забывались и отходили на второй план. Не хотелось думать о том, чему не находилось логического объяснения. Пусть уж лучше время само всё рассудит.

Они вновь молча шли вперёд. Да и куда можно было ещё идти? Не могли же люди вернуться назад из-за того, что увидели, а если сказать вернее, то из-за того, чего не успели увидеть на поляне. Всё равно в произошедшее никто бы не поверил. Есть лишь одна цель, достойная внимания, – это Урочище дьявола, и нужно попасть туда во что бы то ни стало.

Глава 2

В январской ночи, в тьме кромешной,
Прохожих лиц не замечая,
Брёл человек в пустыне снежной,
Судьбу и небо умоляя

Не дать погибнуть. Вдруг, упал он.
И выжить, было шансов мало.
Он вспомнил имя – почему-то
Теплее на душе не стало.

А то, что было, то сгорело.
Развевал ветер серый пепел.
И никогда уже не станет
Лицо ласкать он, свеж и светел.

Припав щекой к земле родимой,
Ее мольбу он вдруг услышал.
Вставай, иди, и чтобы вновь ты
Из тьмы кромешной этой вышел.

И вот пред битвою великой,
И мглу, и бурю побеждая,
Шел человек в пустыне дикой,
Ни сна, ни отдыха не зная.

В небольшой однокомнатной квартирке захудалого провинциального городка жила самая обыкновенная по нынешним временам семья. Сергей окончил школу, работал слесарем на заводе. Вовремя уходил на работу и приходил с работы. Никогда не опаздывал и не задерживался. Зарплату получал небольшую, да и ту не вовремя, постоянно успокаивая всегда чем-то недовольную жену. Ради чего он с ней жил? До конца не мог понять, наверное, и сам. Возможно, что это любовь, а может быть, и нет. Связывало их не много. Один год совместно прожитой жизни – вот, пожалуй, и все. Таня, его жена, сумела в свое время вскружить парню голову, а когда поняла, что тот уже никуда от нее не денется, частенько позволяла себе поиздеваться над мужем. Серёга был у нее вторым супругом и энным по счету мужчиной. Артем, сын Татьяны, – ребенок от первого брака. Мальчика родила еще совсем девчонкой. Отец ребенка жил неподалеку. Этим летом Артему исполнилось девять лет. Но, несмотря на свой юный возраст, он весьма успешно подыгрывал матери и мог при желании довести отчима до такого состояния, что тот, проклиная всё на свете, уходил из дома. Сергей не винил ребенка. Он многого не понимал, но, как и многие сверстники, обладал какой-то особенной жестокостью, что присуща нынешнему поколению современной молодежи. Со стороны казалось, что мальчик получает удовольствие от того, что причиняет страдание другим, будь то жук или человек, – не важно. И вот это было уже действительно страшно.

Сейчас Таня ходила на третьем месяце беременности. Про то, чтобы ее бросить, у Серёги мысли не возникало. Оставить еще не родившегося малыша без отца он не мог. Мужчина молча чистил картошку на кухне, а жена подметала пол в комнате.

– Лентяй, тунеядец, – стиснув зубы и отчетливо выделяя каждую фразу, цедила она. На подобные высказывания, внимания старался не обращать. Видимо, что-то перевернулось в жизни в последнее время. Разговор не клеился – сейчас лучше вообще ничего не говорить.

Супруга вдруг оставила свой веник и стала собираться.

– Я в магазин, – бросила она уже на пороге и быстрыми шагами вышла из дома.

По улице, быстрыми шагами шла женщина невысокого роста, блондинка, с волосами неизвестно какого цвета, которые всегда были чем-то покрашены, в свои тридцать два года, ещё не успевшая потерять какую то особенную свежесть и привлекательность, и потому, нравилась мужчинам. Выйдя из дома, сразу же перешла дорогу и направилась в сторону универсама, к своей подруге Светлане, которая жила на соседней улице. Войдя в знакомую «хрущёвку», поднялась на четвёртый этаж и позвонила. Дверь открыли сразу. На пороге стояла Света. Даже внешне они были чем-то похожи друг на друга. Немного выше ростом, светлые волосы, плавные черты лица, очаровательная улыбка.

– А-а, пришла наконец-то, – радостно воскликнула хозяйка.

– А я уж думала, не появишься. Проходи, раздевайся.

Женщина жила одна в уютной двухкомнатной квартирке. На что именно жила, никто не знал, но образ жизни в данном случае явно не соответствовал зарплате простого лаборанта. Немного покругившись перед зеркалом, обе прошли на кухню и сели пить чай.

Оставшись один, Серега взял книгу. Читать он любил. Читая, можно на какое-то время уйти от жестокой реальности в далёкий, более справедливый и правильный мир. Нет, трудностей этот человек не боялся, очень много работал, практически без выходных. Но что-то не клеилось в жизни. Нужно было какое-то время, для того, чтобы разобраться во всем. Жена ему этого времени не давала. Она никогда особо не вникала в проблемы мужа. Это её совсем не интересовало. Если дело не приносило сиюминутной выгоды, женщина считала его глупой затеей и заведомо пустой тратой времени. А любой результат опять же исчислялся в количестве наличности, которую можно было бы незамедлительно потратить.

– Один раз живём, и я ещё не старуха, – любила она повторять, обращаясь к мужу.

– А быть может, я действительно никчемный и не приспособленный к нынешней жизни человек, – подумал Серега, в задумчивости почёсывая ушибленный недавно затылок.

– Ну что ж, ничего тут не поделаешь. Буду жить такой, какой есть. Украсть – значило пойти в разрез со своими принципами, и этого он сделать не мог, проявляя тем самым свою, быть может, слабость, а быть может, и совсем наоборот, – силу. **Здесь, у каждого своё мнение, и окончательную черту под человеческим поступком может подвести лишь только самый высокий судья.**

Торопливый стук в дверь прервал его размышления.

– Кто бы это мог быть? – Сергей встал и пошёл открывать.

На пороге стоял Игорь.

– Здорово, дядь Серёж, – радостно воскликнул парень. Лучезарная улыбка, не сходявшая с его лица, могла подтвердить то, что это была вовсе не поддельная радость.

– Дядя Серёжа, а меня ведь в армию забирают. Отправка через три дня.

– Игорь, не стой на пороге, проходи. Ты знаешь, я многое хотел бы сейчас тебе сказать, да вот только слов нужных не найду. Скажу одно: мне будет плохо без тебя. Ну, в общем, будь человеком.

За последние полгода племянник сильно возмужал. И странно, что он заметил это только сейчас. Под два метра ростом, косая сажень в плечах, большие мужские руки, привыкшие к любой работе. Судьба никогда особо не выказывала подростку своего расположения. Он рано стал взрослым, и в жизни привык надеяться только на себя. Серега порою заменял мальчишке отца. В глазах у Игоря стояли слёзы. Непрошенный комок вдруг подступил к горлу.

– Ну ладно, это что еще за сентиментальность? Давай располагайся. Сейчас будем чай пить. Служи как надо, ну, а когда придешь, мы ещё повоюем с тобой.

Никому из мужчин и в голову прийти не могло, что повоевать им придется гораздо раньше, ещё до возвращения Игоря из армии, и причём, в самом что ни на есть прямом смысле этого слова.

Действительно, какому нормальному человеку могла прийти в голову мысль, что за столь короткий промежуток времени судьба может сделать такой крутой вираж, и всё переставить с ног на голову.

– Будь человеком Игорь, хотя сделать это гораздо труднее, чем может показаться на первый взгляд. Но ты справишься, я знаю. И пусть жадность и жажда наживы никогда не затуманят тебе разум и не закроют твоих глаз.

Игорь принял эти слова за наставления отца и прошёл с ними через всю жизнь. Они просидели до ночи. Говорили много, вспоминали прошлое. Два неразговорчивых человека здесь, видимо, дали волю своим чувствам. После чего гость ушёл, а Сергей сразу завалился спать. Таня так и не пришла.

– Наверное, у матери заночевала, – подумал он. Раньше иногда такое случалось. В голове проплывали сцены из их прошлой жизни.

Зайдя к Свете, Татьяна надолго задерживаться не собиралась. Они сели за стол и разговорились. Светлана, вдруг как-то загадочно посмотрела на подругу.

– Ты знаешь, а я тебе хочу сообщить кое-что интересное. Тут один человек тобой интересовался. До сих пор убеждённый холостяк. Но к тебе у него, как я понимаю, самые серьёзные намерения.

– Что, любовь с первого взгляда?

Женщина усмехнулась.

– Ну, я не знаю, – уклончиво ответила подруга.

– Ты, в общем, сама разбирайся. Примерно через полчаса он будет здесь с каким-то другом, и ещё одна довольно-таки интересная парочка. Ладно, разговор окончен, – шутливо – командным тоном проговорила Света.

– Двадцать минут тебе на подготовку. Десять – на переодевание, и десять на макияж. Всё нужное найдёшь в ванной и гардеробе.

Гостя улыбнулась и пошла переодеваться.

Человек, про которого шел разговор, назвался Вадиком. Этому Вадиду было уже, по всей видимости, немного больше сорока. Среднего роста, гладкий и уверенный в себе человек в шикарном костюме. На его толстой шее висела не менее толстая золотая цепь, а на левой руке красовались часы из того же желтого металла, которые, по словам Вадима, стоили никак не меньше тысячи долларов. И лишь одно обстоятельство предательски портило картину, а иногда даже ставило его в очень неудобное положение. Из-под расстегнутого пиджака предательски торчал наружу кругленький животик. А если вдруг Вадим случайно отклонился назад, то рубашка так сильно натягивалась, что в «прогале» между пуговицами выступал наружу кусок волосатой кожи, на котором тёмно-синими буквами было написано: «Не забуду...» И поэтому, несмотря на общую раскованность в поведении, он держался немного напряжённо, особенно когда садился на стул или танцевал. Татьяну этот человек звал Танюхой. Она и сама ещё не могла понять, нравится ей это или нет. Муж её никогда так не называл.

В общении гость оказался приятен, если не считать того, что постоянно пытался ухватить женщину за грудь и время от времени бросал ей какие-то призрачные намёки. Но та, в свою очередь, старалась не обращать на это внимания. Алкоголь постепенно делал своё дело. Не стало уже той внутренней скованности, которая появилась было при первой встрече с незнакомым человеком. Только что Вадим подарил своей новой подруге золотые серьги.

«Надо же, я так давно мечтала о таких. Но как он мог узнать? Наверное, Светка проболталась. Хотя, впрочем, какое это сейчас имеет значение?» Душа постепенно таяла. Ей всё больше и больше нравился этот человек, с которым познакомилась то, только час назад.

Вечер был в самом разгаре. Слышалось много смеха. Вадим всегда танцевал с Таней. При этом он нежно обнимал её, прижимая к себе, и нащёптывал на ушко какие-то сладкие слова. Какие именно, разобрать уже не могла, но знала точно, что Серёга таких слов не говорил, а если и говорил, то очень и очень давно. С новым знакомым вдруг стало как-то по – особенному хорошо и надёжно.

Часа через три вечеринка уже подходила к концу, и мужчина вызвался проводить свою спутницу до дома.

На дворе стояла поздняя осень, но ночь выдалась на удивление погожей. Легкий морозец сковал чуть заметным ледком лужи на асфальте. Безоблачное небо сверкало и переливалось словно алмазами, сплошь усыпанное яркими звёздами. Душа радостно трепетала, то ли от этой красоты, то ли от подарков Вадика, а может быть, от того и другого сразу.

Они сели в машину. Тойота медленно тронулась. За окнами проплывали огни ночного города. Ехали по центру. Неоновые лампы, огромные витрины магазинов. Всё это создавало особенную, ни с чем не сравнимую красоту. Женщине вдруг захотелось петь, и она еле себя сдержала.

Минут через пятнадцать подъехали к крыльцу большого особняка. До сих пор сидящая не особенно обращала внимание на то, куда именно её везут, и сейчас была нимало удивлена. Этот дворец несколько не походил на их стандартную «хрущёвку».

– Ну, милости просим к нашему шалашу, – радушно воскликнул хозяин. Выхода не было.

«Не стоит обижать этого доброго человека. Придется зайти в гости».

– Но только ненадолго, – притворно строгим голосом проговорила девушка.

– Ну, конечно же, по рюмочке, и сразу отвезу тебя домой.

– И смотри мне, без глупостей! – добавила она с улыбкой.

Ещё на вечере они перешли на «ты», а сейчас эта форма обращения уже казалась единственно возможной в разговоре с новым другом.

Войдя в дом, мужчина помог гостье раздеться и, усадив на диван, принялся за ней ухаживать. Они выпили по рюмке хорошего коньяка, и Вадик вдруг с жадностью человека, уже давно соскучившегося по женской ласке, начал целовать ее в губы, в грудь – вообще куда попало. Этого Таня никак не ожидала. От поцелуев всё поплыло перед глазами. Она и сама не поняла, как очутилась, совершенно раздетая, в его объятиях и хотела уже, пожалуй, чего-то большего. Грудь как будто налилась живительным соком, набухла, и каждое новое прикосновение к ним вызывало дрожь во всём теле. Наконец, почувствовала именно то, чего уже давно ждала.

Утром проснулась по обыкновению поздно. Вадим готовил завтрак. Голова раскалывалась на тысячу мелких частей. Страшно хотелось пить. Женщина не привыкла к таким попойкам и чувствовала себя скверно. Всё произошедшее казалось сейчас попросту дурным сном. Как она могла провести ночь вот с этим толстым уродом, который сейчас готовит еду на кухне?

«Наверное, вчера просто слишком много выпила и потеряла контроль над собой. А Светка то – хороша тоже подруга!»

Татьяна встала, взяла одежду и пошла в ванную. Любопытные глаза исподтишка внимательно рассматривали каждый кусочек её тела, освещенного лучами утреннего солнца. Но сейчас это было уже неприятно. Одевшись и случайно засунув руку в карман, обнаружила там сто – долларовую бумажку. В ушах приятным грузом болтались золотые серьги. От недавнего отвращения к Вадиму не осталось и следа. А быть может, это еще и оттого, что сейчас она просто его не видела, но тем не менее, новый знакомый вновь стал казаться ласковым и приятным. Одним словом, идеал для подражания современного мужчины.

«Видимо правду говорят, что все толстяки на удивление добрые и отзывчивые люди». И вдруг мозг начал работать в совершенно противоположном направлении.

«А может, он просто использовал меня для удовлетворения своих плотских надобностей». Но тут же одернула себя: «Нет. Вадик не такой. Для того, чтобы провести с женщиной ночь, вовсе не обязательно делать такие дорогие подарки».

Сейчас и в голову не могло прийти, что хотя Вадим не считал Таню проституткой, но, тем не менее, хотел лишь использовать какое-то время, и его совершенно не интересовало её на это согласие, а всё подаренное не стоило для этого человека вообще ничего.

У каждого – свой взгляд на мир. Каждый даёт свою цену вещам и поступкам. И каждый получит именно то, к чему стремится. Но далеко не каждый становится от этого счастливым.

Всё так, но сейчас ей, конечно же, не могло прийти в голову, что в этих серёжках есть и часть зарплаты мужа, незаконно у него отнятой. Ведь **закон силы для многих «сильных мира сего» стал самым главным законом в жизни, но почему-то только до тех пор, пока сила на их стороне.**

Весёлый голос с кухни прервал нахлынувшие вдруг мысли.

– Прошу к столу, всё готово.

Стоявшей показалось, что каким-то шестым чувством он догадался, что гостя уже привела себя в порядок и думает о своём.

«А может быть, подслушивал возле дверей? Ну, какая же я всё-таки дура».

Подведя, наконец, итог своим мыслям, вышла из ванной.

Завтрак представлял собой некое произведение искусства, но аппетита не было. Выпив холодной минералки, закурили.

– Танюша, оставайся у меня, – с мольбой в голосе произнёс Вадик.

– Как долго? – с усмешкой бросила та в ответ.

– Навсегда! Давай узаконим наши отношения?

– Да ты что, родной ты мой! У меня семья, дети.

– Детей я усыновлю. Я смогу сделать вас счастливыми.

– Ну ладно, мне пора домой, – собеседница прервала его разговор на полуслове, после чего, засунув сигарету в пепельницу, быстро встала и пошла одеваться.

– Я тебя подвезу.

«Это, пожалуй, можно, Сергей уже давно на работе, да и подъезжать к самому крыльцу вовсе не обязательно».

Они вышли на улицу и сели в машину. Сквозь тонированные стёкла Тойоты никто не смог бы разглядеть её на переднем сиденье. Слова Вадима до сих пор стояли в ушах. На шутку это не похоже. Такими вещами, как правило, не шутят. К тому же, она считала, что неплохо разбирается в людях.

Машина легко тронулась с места и тихо покатила по грязным улицам уже давно пробудившегося города.

– Вот, возьми, – Вадим протянул ей какую-то бумажку. – Это моя визитная карточка. Будут проблемы – звони.

Таня спрятала бумажку в сумочку.

– Останови здесь.

Машина остановилась метрах в двухстах от подъезда.

– Ну, ладно, пока.

– А последний поцелуй? – с детской мольбой в голосе попросил Вадим. Пришлось подставить ему щеку. Но он, вместо этого крепко притянул её к себе и поцеловал в губы. Женщина не сопротивлялась.

– До свидания, милая.

Дверь тихонько закрылась.

Выйдя из машины, осталась стоять одна посреди улицы, соображая, что же это все-таки произошло за последние сутки. Наконец, минут через пять пришла в себя и неторопливой походкой направилась домой.

На то, чтобы раздеться, сил уже не осталось, и поэтому пришлось улечься на диван прямо в одежде. Сердце радостно колотилось в груди. А в голове всё ещё кружились, не давая покоя, события вчерашнего дня. Такие ясные и чёткие, они становились постепенно смутными и расплывчатыми. Уснула незаметно, а проснувшись после обеда и, мельком взглянув на часы, висевшие на стене напротив, сразу же пришла в себя и поднялась с дивана. Скоро должен прийти из школы Артём. Нужно приготовить сыну что-нибудь покушать, причем придется сделать это самой. Она поняла это, едва войдя на кухню.

– Вот сволочь, даже картошки не мог пожарить.

Вернувшись в прихожую и быстро одевшись, вышла на улицу, захватив с собой сумку для продуктов. Сначала – в ближайшее отделение сбербанка. Процедура обмена времени много не заняла. Перейдя через дорогу, сразу же попала на находящийся здесь же, поблизости, базарчик. Не стоило ломать голову над тем, что и где лучше взять из продуктов, чтобы дотянуть до зарплаты.

Вернувшись, застала Артёма уже дома. После обеда принялись вместе делать уроки. Занятия продолжались минут тридцать. На большее терпения не хватило.

– Да ладно, мам, вечером доделаем, – с этими словами мальчик нежно обнял мать за плечи и поцеловал в щеку. Таня улеглась на диван и включила телевизор. Сын возился со своими игрушками.

Часа через два раздался щелчок входной двери, и на пороге показался Сергей. То, с каким напряженным молчанием встретила его супруга, уже само по себе не предвещало ничего хорошего. Он понял, что сейчас что-то будет. Не желая ругаться с женой, сразу прошёл на кухню. Но не тут то было. Вслед сразу же послышался издевательски – ласковый голос:

– Ой, милый ты мой, и куда это ты пошёл? Никак кушать захотел? Устал, наверное, на работе? А ты не подходи к сумочке-то. Ты туда ничего не клал, – и тут голос её сорвался в крик:

– Лентяй, тунеядец! Месяц уже копейки от тебя не видела. Висишь на моей шее, кровосос чёртов. Гнать тебя надо поганой метлой.

Сергею стало жаль и себя, и её, но больше всего ребёнка, своего сына, который находился сейчас у Тани в животе и вообще ни в чём виноват не был.

– Ищи себе нормальную работу, хватит уже дурака валять.

– Я постараюсь.

Говорил спокойно, уже заходя в ванную. Плотнo прикрыв дверь, чтобы не слышать истошных воплей жены, включил посильнее воду.

– Тунеядец, – сквозь шум воды вновь послышалось из-за двери.

– Ты в этом доме только и делаешь, что моешься, ешь да спишь. Никакого от тебя толку нет. Уходи! Нам без тебя ещё лучше будет.

Больше уже ничего не слышал. От всех «нежностей», которые наговорила супруга за столь короткий промежуток времени, стало вдруг как-то не по себе. Он лёг в ванную и постарался расслабиться.

Помывшись, принялся готовить ужин. На кухню вошёл Артём.

– А вот когда папа с нами жил, холодильник от продуктов ломился, а сейчас, и покушать-то нечего совсем, если только мама чего-нибудь не принесёт.

Серёга начинал уже злиться. Хотя, в общем-то, прекрасно понимал, что Артём ещё ребёнок и, кроме того, пожалуй, даже в чём-то прав, а ведёт себя так вызывающе только в присутствии матери. Когда та уходила на работу, это был совершенно другой, вполне нормальный мальчик. Но если сказать честно, эти рассуждения мало успокаивали. Подобные издеватель-

ства вынести оказалось очень сложно. Наверное, в такие минуты не стоило говорить о том, какие изменения происходят в стране, повторять, что происходящее – это лишь временные трудности переходного периода. Всего этого невозможно объяснить не только Артёму, но, наверное, и его матери. Маленький человек специально устраивал весь этот концерт в её присутствии, чувствуя поддержку и пытаясь заострить внимание на том, что он напрасно обиженный ребёнок. Наверное, в данной ситуации мальчишке просто-напросто очень сильно хотелось, чтобы рядом находился родной отец, а вовсе не чужой дядя, пусть даже и очень хороший. Всё так. Вопрос состоит лишь в том, кто больше обидел ребёнка: он или она. И на этот счёт у каждого была своя точка зрения.

Вслух говорить ничего не стал, ограничившись лишь короткой фразой:

– А твой папа зато толстый.

Артём криво усмехнулся:

– А зато он больше тебя зарабатывает, а тётя Люся (это была родная тётка Артёма) сказала, что ты дурак.

Серёга взял мальчика за руку и вывел с кухни. Артём заревел и побежал жаловаться матери.

Еда не лезла. Сделав несколько глотков холодного чая, улёгся на диван. Делать ничего не хотелось. От той душевной обстановки, которая сложилась в семье, руки ни к чему не лежали.

«Может, и вправду я сам во всём виноват? Сажу у Таньки на шею. Хотя ведь зарплату-то мне платят, пусть и нерегулярно, и деньги я ей отдаю. Возможно, что маловато, конечно, но если поднапрячься, хватит свести концы с концами». Но Таня, конечно же, напрягаться не хотела. Она привыкла жить на широкую ногу.

Перед глазами проплывали картины детства. Вспомнил бабушку и мать, вспомнил тех людей, которые были всегда так ласковы и добры. На глаза навернулись слёзы, но в душе стало теплее. Он понял вдруг, что нужно бороться и жить дальше. Жить, несмотря ни на что. Уже сейчас каким-то подсознательным образом мужчина догадывался, что судьба ещё много раз будет посылать испытания, по сравнению с которыми то, что произошло сегодня вечером, покажется просто-напросто глупой детской шалостью и ребячеством. Стало даже немного смешно над самим собой, над тем, как близко к сердцу он принял эту ссору. Тем более, что пора бы уже привыкнуть ко всему. Ведь ссорились они с женой не в первый и, по всей видимости, не в последний раз. Сон не приходил. Серега перевернулся на другой бок и увидел в ушах у супруги золотые серёжки.

– Тань, откуда у тебя серьги?

– Да мать подарила, – ответила то, что первое пришло в голову.

В том, что его жена ночевала у матери, он был почти уверен, но вот то, что та могла сделать такой дорогой подарок, походило скорее на сказку. Старуха жила на одну пенсию и, умудряясь ещё помогать детям, всем понемногу, еле сводя концы с концами.

Женщина весело улыбнулась.

– Да вот любовник подарил, от тебя-то не дождешься.

Видимо, говорящая имела какую-то особенную способность, убеждать людей в своей невинности и правоте. И эта шутка заставила мужчину поверить в то, что ничего страшного не произошло. Он и представить себе не мог, что всё только что сказанное – правда. А впрочем, если бы даже о чем-то и догадывался, то всё равно вряд ли смог что-либо доказать. А спорить попросту бесполезно. Как говорится, не пойман – не вор, а наглость – второе счастье.

Хотя, если подумать, то оба эти суждения являются понятиями весьма и весьма спорными и, безусловно, имеют двойной смысл. Ловить воров тоже можно по-разному, а к обнаглевшему человеку счастье обычно поворачивается совсем не той стороной, какой бы ему хотелось.

Конечно же, тогда он сделал бы для себя определённые выводы, и тогда дорога жизни, возможно, не показалась бы впоследствии такой тяжёлой и ухабистой.

Утром Таня стала собираться на работу.

– Уберешь дома и помоешь посуду, – бросила уже с порога и плотно закрыла за собой дверь.

До проходной ходьбы минут десять. Придя, как обычно, вначале занялась своей внешностью. Работы немного. Завод стоял почти полностью, и пробы на анализ не несли.

«Нужно позвонить Вадиму». В трубке сразу послышался знакомый ласковый и чуть хриловатый голос:

– Аллё, слушаю.

– Это я, Татьяна.

Говорила почему-то запинаясь и путая слова.

– Танечка, милая, что случилось? Я сейчас еду. Где ты? – почти кричал голос в трубке.

– Да нет, нет, всё нормально. Я просто так позвонила.

Вадим вздохнул с облегчением. Она не смогла сейчас, по телефону, расслышать наигранности в его вздохе.

«Вот как переживает за меня».

Человек на другом конце провода разбирался в людских душах гораздо лучше, чем его собеседница, а раз так, то легко сумел её обмануть.

– Послушай, Вадик, у меня к тебе просьба, не знаю только, удобно ли.

– Да говори ты, говори же, не стесняйся, – его голос звучал весело и непринужденно.

– Ведь мы друзья, верно? И должны помогать друг другу? Помоги, если сможешь, подыскать работу мужу, а то ведь сейчас зарплату-то вообще платить перестали, да ты и сам знаешь, что тебе объяснять.

Он, конечно же был готов к такой просьбе и всё продумал заранее. Но, сделав вид, что вопрос застал врасплох, вслух проговорил:

– Нет проблем, милая, до завтра что-нибудь придумаем.

«Какой же Вадик всё-таки хороший», – подумала Таня, положив телефонную трубку. В тот момент она не могла себе даже в страшном сне предположить то, какие последствия будет иметь их сегодняшний такой безобидный, на первый взгляд, телефонный разговор. Не ведала она и того, что, позвонив Вадиму, станет вместе с ним невольной причиной гибели очень многих людей. И их невинная кровь, что прольётся на родную землю, будет, в том числе, и на её совести, заставляя порою ни с того ни с сего вздрагивать и просыпаться по ночам.

Люди простят, но земля – вряд ли.

Сергей воспринял известие жены о возможной скорой смене места работы спокойно. Он давно уже этого ждал.

Глава 3

В краю лесном, в глуши таёжной,
Пощады от судьбы не зная,

Ты жил один у края бездны,
Старуху смерть не умоляя

И не прося её. Вдруг понял:
Не сможет сердце неживое

Родной земли услышать голос.
Оно – что поле ледяное.

Там холод.
И прощальный возглас его

Души уж не согреет.
Не сможет вечный лед растаять.

И даже ветер не посмеет
Раздуть огонь, что угасает.

Ко лжи и лести не приучен,
В лицо смотрел, глаза не пряча.

И может, от того злодейка
Вновь пожалела, а удача,

Живым сиянием сверкая,
К тебе лицом вдруг повернулась.

А то, что сделано для друга,
Добром и верностью вернулось,

Согрело душу в мертвом поле,
Где только тьма да смерть витали.

Они, что призраки ночные,
Кружились, но не забирали.

Не в силах этих духов ночи
К теплу и свету прикоснуться.

И, может быть, ещё удастся
В родной свой дом тебе вернуться.

На берегу весёлой лесной речки под корнем огромной, сваленной когда-то то ли ветром, то ли паводком сосны лежал зверь. Это был волк. Матёрый хищник внушительных размеров жил в этих местах уже очень давно. Ещё будучи волчонком, он потерял мать и всех братьев. Волчица вместе с выводком попала в облаву. Не захотев бросать детей под пули охотников, она упала на щенка, закрыв того собственным телом. Это и спасло ему жизнь. Братьев разорвали собаки. У молодых волчат и их матери охотники отрезали зачем-то головы, а тела так и остались валяться на снегу.

Так пролежал двое суток, пока, уже коченея и теряя сознание, не услышал вдруг над собой злое воронье карканье и не почувствовал сильный удар в голову. Кровь залила глаза. Это была первая в его жизни схватка. Щенок оказался гораздо меньше огромного черного ворона и, кроме того, сильно ослаб от голода и холода за те двое суток, что пролежал на снегу без движения. Но тем не менее он, не раздумывая, сразу бросился в атаку.

Птица такого поворота событий явно не ожидала. Она считала зверька давно уже мёртвым и в удивлении отскочив в сторону, уселась на нижней ветке стоящей неподалеку сосны. Остальные вороны тоже взлетели на дерево. Им было любопытно посмотреть на маленького героя, что еле стоял на тоненьких ножках и зло скалил не успевшие ещё вырасти зубы.

Помощь пришла неожиданно. К поляне приближался человек на лыжах. Он шёл быстрым и уверенным шагом, что сразу выдавало в идущем старожиле здешних мест. Посадив несчастного в сумку, не обращая внимания на истошные крики воронья, человек быстро зашагал дальше. Так дядя Фёдор в первый раз спас волку жизнь.

Зверь поднялся на ноги и, зажмурив глаза, с удовольствием потянулся. Это логово для ночевки было выбрано им не случайно. Во-первых, сухое место, хорошо защищённое со всех сторон от ветров и посторонних глаз. Во-вторых, солнце утром светило прямо внутрь, и от этого здесь становилось как-то по-особенному тепло и уютно в это зябкое время суток. А в-третьих (и это самое главное), место находилось на самом краю обрыва. Внизу шумела речка. Он хорошо плавал и долго мог находиться под водой, а спрыгнув с трёхметровой высоты вниз, прямо в воду, всегда легко исчезал с глаз непрошенных гостей.

Потянувшись, ещё немного понежился в лучах восходящего светила и вылез наружу. В расщелине утёса ночевали какие-то люди.

«По всей видимости, не охотники. Их можно не опасаться. Те ходят осторожно, никогда не выстраиваясь в длинную цепочку. Эти же, напротив, идут, особо не заботясь о том, чтобы остаться незамеченными и не обращая внимания ни на что вокруг. Незнакомцев семеро, и с ними нет собак. Хотя одна замызганная шавка всё-таки есть. Но она даже издали не напоминает тех борзых гончих, с которыми ходят люди с ружьями». Тех гончих, которых серый так ненавидел всей своей волчьей душой. И на то у него были свои причины.

«Запаха дыма не слышно. Может, уже ушли. Но всё же лишняя осторожность не помешает». Зверь поднимался в гору, неслышно скользя по самому дну оврага, густо поросшего мелким кустарником.

«Следов на снегу не видно. Огонь уже потушили. Но всё-таки они ещё здесь. Скоропостижные выводы обычно бывают обманчивыми. Наверное, стоит пойти следом и выяснить, что же забыли эти бродяги в здешних, таких нелюдимых местах». Возможно, что это была всего лишь игра, но, скорее всего, здесь в свои права вступал один из самых мощных рычагов продолжения жизни на земле – инстинкт самосохранения.

Серый вновь глубоко втянул в себя воздух. В нос ударил резкий запах дыма. Но это не был дым из расщелины утёса. Кто-то жёг костёр с совершенно противоположной стороны.

«Интересный поворот событий. Очень плохо, что в угрюмой долине в последнее время появилось много чужих. В прошлый раз люди приходили сюда лет десять назад, пробравшись с той стороны, где стоит изба дяди Фёдора. Ночевали в той же самой расщелине утёса, где сейчас торчат эти семеро чудаков, и направились дальше, в загадочную долину под странным назва-

нием Урочище дьявола. Именно так называли это место старики. Там прожили недели две, копали какие-то ямы вдоль реки, но, зайдя слишком далеко от избушки вниз по ручью, километрах в пятнадцати от своего жилья, обнаружили ту самую пещеру, в которой лесные люди, те, что не пахнут железом и живут неподалеку, прячут свои желтые камни. Как эти двое нашли тщательно замаскированный вход, находящийся на высоте двух с половиной метров от земли, до сих пор остается загадкой. Но они это сделали и заплатились своими жизнями. Охранники убили не прошенных гостей. Потом отрезали головы и насадили на колья прямо возле входа в избушку. Тела закопали, вырыв ямы в воде, недалеко от берега. Вслед за этими двумя, пришли человек тридцать. Они долго прочесывали лес вдоль и поперек. Видимо, искали своих друзей, пока не наткнулись на их головы со страшно выпученными глазами. Забрав их, люди ушли восвояси, и после этого сюда уже никто не приходил до сих пор, если, конечно, не считать нескольких охотников, что, случайно спустившись в долину, почему-то всегда спешили поскорее убраться восвояси. Одному из них этого сделать так и не удалось. Он очень сильно торопился и провалился в берлогу прямо в лапы к медведю. В начале марта косолапому свалившееся на голову „с неба“ мясо оказалось весьма кстати».

Волк поднялся еще немного вверх, затем прошел метров пятьсот по склону и лёг на давно уже ему полюбившемся месте.

«Если пойдут в сторону урочища, значит, пройдут на расстоянии метров двести отсюда, вдоль реки. В этом случае никакой опасности нет, и можно спокойно жить дальше. Облавы устраивать не станут. Если же люди здесь не пройдут, то нужно держать ухо востро. Попасть под пули вновь, как это было уже однажды, в молодости, вовсе не хочется». Со стороны речки потянуло сыростью. Но какой-то необычный запах вдруг насторожил его и заставил шерсть на загривке встать дыбом. Несомненно, это был запах человека, к которому примешивался грубый дух медвежатины. Источник должен находиться метрах в двухстах, как раз в том месте, где проходила тропа. Но там никого не было.

«Наверное, это люди, что не пахнут железом и живут ниже по реке за Урочищем дьявола. Но что они делают здесь? Уж во всяком случае, „обезьяны“ пришли сюда не за моей головой. Стоит подождать дальнейшего развития событий».

В голове проплывали картины далекого прошлого, того самого, которое заставляло быть и впредь таким осторожным по отношению к двуногим существам.

Все произошло лет семь-восемь назад. Жил тогда на вырубках, неподалеку от избы дяди Федора. После того, как старик спас ему жизнь, зверь проникся доверием к этому человеку и всегда находился рядом, иногда ночуя прямо в подворотне.

Однажды солнечным декабрьским днем вырубки вокруг дома наполнились людскими голосами и звонким лаем собак. Серый не придавал тогда этому значения, а когда сообразил, в чем дело, то было уже слишком поздно. Остановившись для короткого отдыха, услышал вдруг злобный и неуклонно приближающийся звук, который не предвещал ничего хорошего. Стало ясно: «Свора идет по следу». На раздумья времени не осталось. По неглубокому снегу бежалось легко. Собаки быстро отстали, но впереди уже подстерегала другая опасность.

«Дорога к отступлению всего одна. Вверх идти нельзя: там отвесные скалы чередуются с развешанными в цепочку красными флажками».

«Волк не может нарушить традиций», – так пел в свое время Высоцкий. Зверь песен Высоцкого не знал, но традиций нарушить тем не менее не мог. Его звериный инстинкт не позволял лезть на красные тряпки. Они его не пугали, вовсе нет, просто это было заложено в сознании еще когда-то очень и очень давно, и тут уж ничего не поделаешь.

«Вниз спускаться тоже не стоит. Там, на вырубках, снегоходы и люди с ружьями. Оставалось только вперед».

Пройдя еще немного, вдруг, в нерешительности остановился, поняв, наконец, что попал в западню. Спереди из заросшего кустами черемухи оврага исходил сильный запах челове-

ского пота и железа. От оврага отделяла площадка, покрытая огромными валунами и поросшая мелким березняком. Сзади все ближе и ближе слышался злобный лай разгоряченной погоней и охотничьим азартом своры. Собак волк не боялся, даже если их и было очень много, и потому решил принять бой прямо здесь. Одним из решающих факторов, которые могут повлиять на исход подобного поединка, является неожиданность.

Приняв решение, поднялся немного выше своего старого следа и пошёл навстречу собакам. Выбрав большой камень, занял исходную позицию так, что собственный след проходил внизу, на расстоянии в несколько метров.

«Одержимая жаждой крови, свора идёт по следу, особо не обращая внимания на посторонние запахи».

И собаки не заставили себя долго ждать. Их было штук семь или восемь. Сбившись в плотную кучу и заливаясь злобным лаем, псы уверенно шли вперед.

«Медлить некогда». Широко расставив передние ноги, приготовился к прыжку, а через секунду уже оказался в самой гуще собачей стаи. Мгновение, и три пса бились в предсмертных судорогах, валяясь на снегу с разодранными в клочья глотками. Они получили именно то, чего так желали.

Убивать ради удовольствия или для того, чтобы угодить кому-то, чуждо серого отшельника, что убивал лишь тогда, когда нужно выжить, оставшись верен себе и на этот раз.

Оставшиеся в живых, оставляя на снегу кровавые следы, с визгом бросились в разные стороны. После этого хотел было сразу кинуться бежать обратно, подальше от страшного места, но что-то как будто удержало. И именно это что-то спасло зверю жизнь. Замешкавшись, осторожно вышел из-за камня. Воздух прорезали оружейные выстрелы. Снег вздыбился фонтанчиками от пуль. Одна из них попала в ногу. За собаками шли люди. В пылу схватки он не обратил внимания на приближающихся охотников.

«Уходить на вырубки! Ничего другого не остаётся». Из оврага вновь послышалась беспорядочная пальба. Новая пуля попала в уже раненную ногу. Приходилось скакать на трех лапах. А маленькие кусочки свинца, между тем, всё свистели над самой головой. Из-за грохота оружейной канонады ничего не было слышно. В перерывах между выстрелами сзади слышался истошный лай почуявших легкую добычу лаек.

«Ну нет, я так просто вам не сдамся». Он лишь сильнее стиснул челюсти. Левая нога бессильным грузом волочилась сзади. Все тело пронизывала нестерпимая боль.

«Терять сознание нельзя». Серый понимал это прекрасно и, собирая в кулак всю свою звериную волю, вновь и вновь заставлял себя бежать дальше. Но кровь через простреленную в двух местах ногу уходила быстро, а вместе с ней из слабеющего тела уходила и жизнь. Выбежав на поляну, увидел знакомую избу, только сейчас поняв, что оказался в эти минуты в этом месте совсем не случайно. Ведь это тот самый, один-единственный, призрачный, но всё-таки шанс на спасение.

Охотники устроили засаду метрах в пятистах выше избы дяди Федора. И это обстоятельство да еще, наверное, то, что каким-то подсознательным, непонятным даже самому способом, спасаясь, он выбирал единственно верный путь к жизни, и решило судьбу на этот раз. Больше в голове ничего не осталось до того самого мгновения, когда изувеченный бедняга очнулся на руках у дяди Федора. Так старик спас ему жизнь во второй раз.

Вспомнив дядю Федора, немного успокоился. Вдали послышались какие-то пока еще неясные, звуки. Прислушавшись повнимательнее, понял, что это шум шагов приближающихся людей. Шли быстро и уверенно, по всей видимости, боясь куда-то опоздать, сильно напоминая при этом тех самых гончих, что гнали его во время облавы полгода назад, а он вот так же сидел на камне и ждал. После этого сравнения, сразу же и очень сильно возненавидел незнакомцев, которых и в глаза-то пока еще не видел. Первым его желанием было напасть. Но голос разума остановил вовремя.

«Во-первых, люди сильнее, а во-вторых, от них вреда пока что нет никакого, да скорее всего и не будет». Волк внимательно стал всматриваться туда, откуда должны появиться непрошенные гости. Наконец, они вышли из леса. Три человека быстро шагали, не глядя по сторонам, но, тщательно смотря себе под ноги, боясь, видимо, переломать свои конечности на скользкой и усыпанной камнями «дороге». Оружие висело у них за спиной, и только идущий впереди держал наперевес – нет, не ружье, а какое-то жалкое его подобие. С автоматом Калашникова серый пока еще никогда не встречался.

А вот то, что произошло дальше, он запомнил хорошо на всю оставшуюся жизнь. Когда эти трое поравнялись с огромной сосной, что стояла прямо на тропе, им на голову, словно камни, упали три каких-то зверя. Оказалось, что это люди. Незнакомцы, одетые в медвежьи шкуры и в сапогах, сшитых из точно таких же шкур, в течение нескольких секунд обезоружили путников и связали их по рукам и ногам. Сверху слезли еще трое и развернули приготовленные заранее носилки. Погрузив на них пленников, нападавшие быстро удалились в чащу леса.

«Ну и дела. Успели как раз вовремя. Не зря спешили-то, видно».

Отойдя подальше от тропы, странные люди переложили свою ношу на спрятанные в овраге сани.

Увиденное сильно озадачило. До сих пор зверь считал, что двуногие существа охотятся только на него или ему подобных. То, что сейчас они начали охоту друг на друга, попросту не укладывалось в голове.

«Разве я, матерый хищник, стану охотиться на других волков, даже если буду очень голоден? В лесу всегда можно найти другую пищу, так зачем же есть себе подобных? Понять то, что произошло на этой поляне, сложно, пожалуй, даже слишком». Серый не мог знать о том, что странные создания, которые выступили в роли нападавших, на самом деле лишь защищались, а об окончательном исходе этого поединка вряд ли кто-либо когда узнает.

«Незванные гости сильно все запутали. Хотя мне вреда они, пожалуй, не причинят. Остались еще те, что ночевали в расщелине утеса. Кто они такие и куда направляются? Об этом можно только догадываться и ждать». А ждать пришлось совсем недолго. Не успел он опомниться от только что увиденного, как следом за первой группой показалась и вторая, состоящая уже из семи человек. Эти двигались медленнее, с гораздо большей осторожностью, как будто чего-то опасаясь. Оказавшись на месте короткого поединка, остановились, и казалось, что были чем-то сильно озадачены.

«Бесспорно, здесь есть над чем подумать». Но после непродолжительной остановки, почесав в растерянности затылки, путники вновь двинулись дальше своей дорогой, не захотев, видимо, преследовать ту необычную процессию, что скрылась десять минут назад в лесу.

«Наверное, они пришли сюда по своим делам и к тому, что произошло на поляне, не имели ни малейшего отношения. Но что могло выгнать всех этих людей из их теплых и насыженных городских квартирок в здешние глухие места?» – этого зверь понять не мог. Не мог, потому что не знал, что такое жажда наживы, и поэтому никогда не смог бы найти объяснения всему произошедшему.

Человек всегда был плохим соседом. А еще хуже, если этот человек вооружен. И даже тогда, когда он не проявлял внешних признаков враждебности, все равно стоит держаться подальше. Серый бродяга прекрасно знал, насколько хитры и коварны могут быть эти двуногие существа. От них в любую минуту можно ожидать подлости и подвоха.

«Пожалуй, пора отсюда уходить. Суматошное время лучше переждать на вырубках, поближе к жилищу дяди Федора». Спустившись к речке, с совершенно равнодушным видом окунулся в ледяную воду, после чего осторожно двинулся в гору, то и дело останавливаясь и напряженно втягивая в себя ноздрями воздух.

Непривычная тишина неприятно резала уши. Шел, не раз хоженной и хорошо знакомой дорогой. Слева, на сосне, прыгали с ветки на ветку и суетились красногрудые снегири, а в

куче хвороста под ними притаился заяц. Он почувствовал приближение серого уже слишком поздно, и сейчас прятался, чтобы не попасть тому на глаза. Но зайцами волк не интересовался.

Пройдя еще километра два по бурелому, вышел на вершину хребта, и от того, что увидел там, шерсть вновь встала дыбом на его мохнатом загривке. Зверь оскалил зубы и зарычал. Стало не по себе. Это был совсем еще свежий след медведя. Шатун – зверь страшный и наверняка задумал что-то неладное. Косолапый прошел здесь только что и направлялся на вырубку. Что такое медведь, который не улегся на зиму в спячку, знал не понаслышке. Это разбойник без каких-либо принципов, нападающий на первого, кто встретится у него на пути. Когда-то, очень давно, будучи еще совсем молодым и неопытным щенком, он бегал от такого вот мишки целую неделю. Самым странным казалось то, что «охотник» не обращал совершенно никакого внимания на посторонние следы. Они часами шли по лосиным тропам, почти наступая на пятки перепуганному зверю. Все попусту. Медведь с поразительным упрямством шел по одному и тому же следу, видимо, поняв, что перед ним совсем еще молодой зверь, который не выдержит долгой и изнурительной погони.

Но здесь он сильно ошибался. Приходилось не спать по ночам, позволяя себе лишь короткий отдых в несколько минут, а потом вновь вперед. Так продолжалось до тех пор, пока дорогу не преградила большая река, что протекает примерно километрах в двадцати отсюда, по другую сторону хребта. Она заставила беглеца остановиться на берегу, чтобы дать ему ту последнюю передышку перед решающей схваткой, от которой будет зависеть, сохранится ли под солнцем еще одна жизнь или ее навсегда заберет тайга, приумножая и пополняя свою, и без того многочисленную, траурную коллекцию.

Для конца апреля на улице стояла довольно холодная погода. Речка представляла собой огромную массу мутной воды, уносящейся бесконечным потоком куда-то далеко, в манящую и зовущую к себе неизвестность. Заходить в воду не спешил, прекрасно понимая, что река может стать его последним пристанищем в этой жизни. Наконец, сделав резкий выпад вперед, прыгнул в бурлящий поток перед самым носом огромной свирепой морды своего преследователя. Косолапый ещё немного потоптался на берегу, с удивлением разглядывая в воде свою же собственную растерянную гримасу. После чего, бесцельно поторчав в прибрежных кустах черёмухи, понуро поплелся обратно.

Волчонок реку переплывать, конечно же, не собирался. Вернее сказать, он просто не смог бы этого сделать. Слишком сильным оказалось течение, и слишком широка пополненная весенним паводком стихия. Мишка, в свою очередь, рисковать тоже не хотел. Его организм и без того ослаб за долгую и голодную зиму. К тому же, несчастного, в буквальном смысле этого слова, воротило от одного только вида холодной и мутной воды, а потому, преследования решил не продолжать. На такой вот маневр зверь никак не рассчитывал. Когда щенок прыгнул в воду перед самым носом мохнатой морды, он посчитал его дураком, а сейчас, наверное, считает уже покойником. А «утопленник», между тем, проплыв метров триста вниз по течению, вылез обратно на берег, а вернее сказать, попытался это сделать. Не найдя в себе сил полностью выбраться из воды, упал прямо в прибрежной луже.

«Что же нужно косолапому хищнику в это время на вырубках? Возможно даже, это тот самый зверь». Почуввав недоброе, осторожно двинулся по следу. Дорога шла всё время под гору, и идти было нетрудно. «До медведя еще далеко. Шаги слышно метров за триста». Волк победил. На его звериной душе становилось все тревожнее и тревожнее. Что это за тревога, он объяснить не смог бы даже себе. Но тем не менее бежал все быстрее до тех пор, пока отчетливо не стал различать хорошо знакомый запах медвежатины. Мишка шел уверенным шагом, не торопясь, но было ясно, что он прекрасно знает то, куда и зачем идет.

Так прошли еще километра два, пока не вышли на вырубку. Сделав небольшой круг по лесу, косолапый улегся в близлежащих кустах. Его спутник притаился у кромки оврага примерно в двухстах метрах с подветренной стороны так, что его сложно было обнаружить

по запаху. Осмотревшись вокруг, наконец, все понял: «Мохнатый разбойник пришел к дяде Федору полакомиться медом с пасеки, а сейчас, лишь выжидал темноты». Пчелы зимовали на улице, и, сломав деревянную изгородь, можно без труда добраться до их запасов.

В избе топилась печка. Наверное, там полно всякой еды. Он вспомнил, что с утра ещё ничего не ел. Но сейчас не до этого. Дядя Федор бросал снег, сновал туда-сюда по двору, занимаясь своими обычными, понятными ему, но совершенно непонятными для других жителей леса делами. Медведь дремал в кустах. Волк тоже улегся на снег. Он не умел говорить и поэтому не мог просто подойти и объяснить человеку, какая опасность над ним нависла, а поэтому решил ждать и, если понадобится, то прийти старику на помощь в самую нужную минуту.

Остаток дня пролетел незаметно. Начинало смеркаться. Зимний лес готовился ко сну. Казалось, что все вокруг замерло. И лишь притихшее журчание ручья да еле слышный шум ветра нарушали всеобщее безмолвие. Темнота подступала незаметно. Зимние сумерки быстро опускались на землю. Лес как-то неожиданно и сразу погрузился в сладкую дремоту.

«Сейчас можно надеяться только на нос и уши». В окнах избы мерцал огонек свечи. Долгими зимними вечерами дядя Федор обычно ремонтировал домики для пчел – ульи. В кустах, где отдыхал медведь, вдруг послышался треск сучьев. Мохнатый разбойник встал. Наверное, он готовился к наступлению.

«Пора начинать действовать». В несколько прыжков достиг изгороди и нырнул в хорошо знакомую дыру в штакетнике. Затем, уже не торопясь, прошел в противоположный угол пасеки и улегся за аккуратно сложенной поленницей дров. В тот момент, когда мишка будет потрошить ульи, он не станет разбираться в том, кто это разгуливал здесь посреди ночи. В такие минуты совсем не до этого. Собаки дяди Федора знали серого совсем недавно, но относились к нему на удивление дружелюбно. Вот и сейчас два черных пса миролюбиво помахивали хвостами. Но скоро от их миролюбия не осталось и следа.

Со стороны леса по направлению к изгороди послышались знакомые неторопливые, но вместе с тем уверенные и наглые шаги. Не – званый гость решил приступить к ужину. Ограда разлетелась в щепки с первого же удара. На пасеку вошёл, словно к себе домой. Подойдя к крайнему улью, встал на задние лапы. Собаки, заливаясь истошным лаем, бесились на привязи. На крыльце послышался шум, и на улицу с ружьем в руках, вышел человек. Старик выстрелил в воздух, перезарядил ружье, и, спустив псов с цепи, двинулся в сторону непрошеного гостя, видимо, намереваясь прогнать того прочь. Он рассчитывал, что «бандит» испугается и убежит. Но мишка и не думал уходить. На собак он вообще не обращал внимания. Ближе, чем метра на три, приближаться к нему они боялись и способны были лишь на то, чтобы, лая до хрипоты, носиться вокруг, делая вид, что пытаются напасть. По всей видимости, попросту трусили.

«Собакам помогать не стоит». Во-первых, это бесполезно, а во-вторых, зверь никогда не станет драться бок о бок с цепными псами, прекрасно понимая, что если уж вступит в схватку, то не отступит никогда, пусть даже придется умереть, тогда как эти четвероногие создания готовы в любой момент показать противнику свои спины.

Грохот выстрела и собачий лай разозлили гостя не на шутку. Стало видно, что он сильно нервничает. И тут случилось то, чего даже матерый серый хищник ожидать не мог. Медведь вдруг бросился прямо на человека. Старик вскинул ружье и выстрелил. Пуля прошла вскользь по гладкому мохнатому лбу, рассекла при этом кожу не причинив никакого вреда. Одним стремительным прыжком волк оказался между человеком и зверем.

Мишка на секунду опешил и остановился. Собака, которая вдруг перед ним выросла, словно из-под земли, казалась совсем не похожей на тех двух, что бегали вокруг. Она не лаяла и не кидалась на него, а просто стояла и смотрела в глаза, не моргая. Но в ее взгляде, пожалуй, была та холодная и непоколебимая уверенность в себе и своей правоте, сочетавшаяся с такой неистовой злобой, что даже у бывалого вояки неприятный холодок пробежал по всему телу. Он понял, что противника, наверное, можно будет убить, но заставить отступить вряд ли удастся.

Той секунды, на которую от неожиданности застыл косолапый бандит, оказалось вполне достаточно для того, чтобы сделать тот один-единственный точный бросок и вцепиться врагу в горло. Но мишка тоже оказался бойцом опытным и приемам борьбы с волками обучался с детства. Сильным ударом лапы по голове он стряхнул серого со своей шеи. Но тот так и не разжал челюсти, оставив у себя в зубах клоч медвежьего горла. Упав на снег, потерял сознание от сильного удара. Но, повинуясь давно выработанному рефлексу – никогда не лежать перед наступающим врагом и не просить милости у победителя, даже находясь в бессознательном состоянии, все же сумел вновь подняться на ноги. На его морде застыла такая свирепая улыбка, с куском медвежьей шеи в зубах, что враг вновь на мгновение опешил. Он нанес этой собаке весом не более пятидесяти килограммов удар, которым валил с ног лося, содрав когтями шкуру со спины так, что она свисала лохмотьями по бокам, а окровавленные лопатки, уродливо торчали наружу. В этот момент мишка, наверное, уже понял, что перед ним не простая собака.

«Но почему? Почему волк заступается за человека»? Силы оставалось еще очень много, и бандит хотел уже броситься вновь в атаку и смять под собой обоих своих противников, но не успел. Пользуясь данной ему передышкой, дядя Федор перезарядил ружье и, приставив его к огромной мохнатой голове, выстрелил.

Больше уже ничего не помнил. Сознание окончательно улетучилось. Очнулся только дня через три в избе у старика.

Глава 4

А люди ль вы, асфальта дети,
Взрослея, выросли так рано.

Готовы были все на свете
Продать, ступив на путь обмана.

Накинув на судьбу уздечку,
Смеясь, вонзали в ребра шпоры.

Считая, что гнедая лошадь
Помчит вас через реки, горы

К мечте, единственно так нужной,
Залившей очи ярким светом.

И лошадь в бешеном галопе
Вперед неслась, круша при этом

Все, что дорогу преграждало,
К сиянью идола слепого.

Там пустота, его начало,
Жестокого, и неземного.

Не знали вы: судьбой коварной
Узда, давно уже не правит.

Она летит своей дорогой,
Внимания не обращает

Уж ни на что вокруг. Лишь только
Свистит в ушах свирепый ветер.

Тот, что совсем еще недавно
Лицо ласкал, и свеж, и светел.

Конца пути вдали не зрея,
Не знали, что же будет дальше.

Разжались пальцы вдруг, слабея,
Во взгляде не было уж фальши.

И на скаку с коня сорвавшись,
Упав на землю в чистом поле,

Подумайте о том, как дальше
Прожить, греха не зная боле.

После того, как Таня объявила Сергею о возможной скорой смене места работы, жизнь в семье ничуть не изменилась. Снова работа, снова вечная нехватка денег и раздоры с супругой. Но Серега всегда считал, что пока есть хоть малейшая возможность сохранить семью, нужно ее использовать.

Вадим же сразу после звонка подруги развил необыкновенно кипучую трудовую деятельность. Сам он – бывший геолог, в свое время немало полазил по Уральским хребтам, но сейчас, как говорится, остепенился. Уже третий год этому человеку не давали покоя мысли о странной золотой долине, в народе называемой попросту Урочищем дьявола. Среди аборигенов про те места ходила недобрая слава. Но современный человек на подобные глупости внимания обращать не станет.

«Через два дня отправлю троих верных людей. Их задача – разведать, есть ли там на самом деле золото, или это всего лишь приукрашенные людские фантазии. А завтра нужно закончить формирование второго отряда и уже завтра забросить его в тайгу. В эту группу войдут еще семь геологов. Собственно, эти семеро и займутся капитальной разведкой запасов драгоценного металла в урочище».

Лишние свидетели в таком деле ни к чему. И об этом Вадик тоже позаботился заранее. Именно поэтому тем троим он дал автоматы, а геологам, якобы из-за отсутствия у них разрешения на хранение огнестрельного оружия, брать его с собой запретил.

«Все семеро должны умереть». Так рассудил человек, ни на минуту не усомнившись в правильности своего решения.

Отправляя в тайгу Сергея, он «убивал» при этом сразу «двух зайцев»: во-первых, тот мог принести пользу как опытный специалист (Сергея в свое время закончил геологоразведочный факультет), а во-вторых, после его смерти Таня становится совершенно свободной, и больше никто не станет мешать ему вдоволь с ней позабавиться. Убить ради этого человека и вовсе ничего не стоило.

Оттягивать отправку обеих экспедиций время не позволяло. Выход и так уже задержали недели на две из-за различных технических трудностей, а холода приближались с каждым днем.

«Дней через восемь в тайгу уйдут еще десять человек, до зубов вооруженных головорезов. Они должны незаметно проникнуть в долину, и если кто-либо останется в живых, обязательно уничтожить всех, кроме двоих информаторов, которые и представят общий отчет». То, сколько крови прольется при осуществлении этого дьявольского плана, Вадима нимало не смущало. Он привык жертвовать чужими жизнями, и это было для него нормой.

То хладнокровие, с которым нечеловек планировал убийства, людей бросало в дрожь, а посторонний принял бы «комбинатора» за маньяка. Но это был далеко не маньяк и не слабоумный, а, совсем напротив, очень умный зверь в человеческом обличье.

«Сама же мне еще и спасибо скажет, когда очередную золотую погремушку подарю», – с умилением рассуждал он про Таню.

Не откладывая дело в долгий ящик, Вадик набрал номер подруги. В трубке сразу послышался знакомый голос.

– Танечка, милая, здравствуй, моя хорошая, я так соскучился по тебе, просто ужас.

Женщина не перебивала. Он знал, чего она ждет от его звонка.

– Ты знаешь, – сладким голосом продолжил говорящий, – у меня вопрос с работой для твоего супруга решился положительно.

– Что за работа?

Какое-то неприятное чувство на секунду вдруг овладело ею, но даже себе самой сидевшая не смогла бы, наверное, объяснить, что это было за ощущение. Тем не менее, быстро справившись с минутной слабостью, добавила:

– А какая у него будет зарплата, Вадим Валерьевич?

– А-а, понимаю, понимаю, – смеясь, ответил человек на другом конце провода. – Понимаю Ваши тревоги. Работа не пыльная. Сначала несложная двухнедельная экспедиция на Северный Урал, а когда вернется, пристрою на работу при институте. Будет собирать и отправлять на экспертизу образцы пород. Деньгами не обижу. Я думаю, довольна останешься. С собой брать ничего не нужно. Все снаряжение и продовольствие давно закуплено. Рассчитаться с работы желательнее побыстрее, я помогу. Пусть напишет заявление на увольнение. На прием – позже, с этим проблем не будет. Ну да ладно, что это мы все о работе да о работе. У тебя-то как дела? Как дома, как Артем? Мы ведь уже целых три дня не виделись.

Женщина слушала внимательно. Мозг в лихорадочном темпе перерабатывал информацию.

«Точной суммы зарплаты не назвал. О том, что будет после возвращения из экспедиции, тоже говорил как бы вскользь, словно вовсе на это и не рассчитывая. Предположение косвенно подтверждается и тем, что Вадим, похоже, пока не собирается оформлять Серегу на работу. Решил отложить дело до лучших времен. Ой, что это я!» – тут же на полуслове прервала она свои рассуждения.

«Вадик – хороший человек, не жадный. Вон и подарков мне каких надарил. Все будет нормально, и нечего здесь думать». Интуиция сыграла на этот раз злую шутку. Таня сильно обманулась в своих суждениях, но поймет это лишь много позже.

Последние слова Вадима уже не слышала, а вернее сказать, просто не воспринимала их смысла. Голова была слишком занята другими мыслями. А из всего сказанного поняла лишь то, что у нее спрашивают, как дела.

– Да нормально все. Ну, ладно! Мне пора. Тут работа.

– Танечка, тебе что – плохо? Тебе нужна помощь? Что? Все нормально? – Вадим уже почти кричал в телефонную трубку. – Ну, слава богу. Давай часов в семь, после работы, встретимся с тобой сегодня. В «Радуге». Заодно и заявление от Сергея принесешь. Пока, до вечера!

Сергея лежал один в пустой комнате. Дома никого не было, и он дремал, отчего-то вновь и вновь вспоминая племянника. Этот парень стал близок ему, как свой собственный сын. В голове проплывали сцены из детства. Когда Игорь был совсем еще ребенком, они вместе постоянно ремонтировали старый велосипед, который почему-то все время ломался. Иногда делал с мальчиком уроки. В общем, помогал, чем мог, где советом, а где делом. Мать Игоря, сестра Сергея, растила сына одна, и тому так не хватало мужской ласки и крепкой руки, на которую всегда можно было бы опереться в трудную минуту. А Серега принадлежал как раз к той редкой породе людей, на которых можно положиться всегда. Человек добрый и спокойный, даже, может быть, слишком. Обычно он всегда мог контролировать ситуацию, а одним из главных правил его жизни было то, что с каждым человеком нужно разговаривать только тем языком, которого он заслуживает. На память вдруг пришел эпизод, благодаря которому мужчина понял, как дорог и близок ему Игорек.

Они играли в футбол во дворе вместе с еще четырьмя мальчишками из соседнего подъезда. Неподалеку пожилая дамочка выгуливала свою собачку. Собачка, ростом с небольшого теленка, приходилась ей чуть выше пояса и вела себя как-то странно, время от времени искоса поглядывая на прыгающую и кричащую ватагу ребятшек. Но на это тогда никто внимания не обратил. Не обратили они внимания и на то, что пес гулял без намордника. Ребята просто играли в футбол, а волкодав вдруг вырвался из рук старушки, которая при этом упала лицом в грязь, и кинулся в сторону галдящей толпы мальчишек. Что именно так взбесило собаку, неясно до сих пор. Все бросились врассыпную. Игорю исполнилось тогда пять лет. Сергей

схватил ребенка на руки и забросил на крышу стоявшей неподалеку беседки, а сам, ни секунды не раздумывая, шагнул навстречу бегущему прямо на него четвероногому чудовищу. Оружия не было, но человек твёрдо решил, что когда животное достаточно приблизится, он прыгнет на него, повалит на землю и станет душить, а если этого будет недостаточно, то вцепится зубами в горло.

Стоявший смотрел приближающемуся зверю прямо в глаза. Так легче сконцентрироваться для прыжка. И, наверное, та холодная решимость, которой был пронизан этот взгляд, несколько озадачила издавшего виды четвероногого разбойника.

«Так нормальные люди не смотрят, – подумал он про себя. – Мало того, что этот идиот меня не испугался, он еще и встал в какую-то не естественную позу и приготовился к схватке». Пес остановился, словно вкопанный.

А когда Серега, пользуясь его замешательством, вдруг схватил камень и швырнул что было сил, он понял: с этим лучше не связываться и, поджав хвост, кинулся к своей перепачканной грязью с ног до головы спутнице. Выпучив глаза, наклоняя голову то вправо, то влево, мохнатый разбойник ещё долго продолжал как-то растерянно рассматривать своего необычного противника. Серега улыбнулся. Позднее, когда племянник уже подрос, они не раз вспоминали этот случай, а потом много и весело смеялись. Но в тот момент ни тому, ни другому было совсем не до смеха.

Став постарше, Игорь увлекся радиоделом. Сергей, совсем немного, правда, но понимал в этом и поначалу помогал чем мог. Позднее, когда парень стал паять схемы намного сложнее, приходилось смотреть на то, что тот делает, уже как баран на новые ворота.

К десятому классу юный радиолюбитель мог без труда починить испортившийся телевизор или магнитофон, даже самой сложной конструкции. Более того, ему просто нравилось ремонтировать такие аппараты, от которых другие мастера отказывались. Заменяя дефицитные радиодетали на схемы, состоящие из более простых и дешевых, всегда находил правильное решение. Денег за работу почти никогда не брал. Последним увлечением стали сотовые телефоны. Один из таких аппаратов подарил и Сергею, предупредив, что пользоваться им без крайней нужды не стоит. Трубка нигде не зарегистрирована и не включена в телефонную сеть. Но, несмотря ни на что, телефон имел выход на междугородную АТС, как говорил Игорь, через спутник. Серега в это почему-то не верил. Но, тем не менее, телефон работал. К тому же это была память, последний подарок перед уходом в армию. А тот номер, что записан в памяти телефона, являлся той самой незримой нитью, что связывала друг с другом двоих людей. И от сознания этого на душе у обоих становилось чуть-чуть теплее.

Но часто звонить, а особенно в черте города, не стоило. Помешав работе городской АТС, легко нажать кучу неприятностей. А в случае обнаружения придётся заплатить крупный денежный штраф. Включением специальной красной клавиши труба могла превратиться в радиомаяк, издающий довольно сильный сигнал определенной частоты.

Щелчок замка входной двери прервал рассуждения. На пороге стояла Таня. Серёга сразу же обратил внимание на немного необычное поведение своей супруги. Она казалась как-то странно возбужденной. Обычно, войдя в прихожую, женщина сразу начинала раздеваться, снимать верхнюю одежду и обувь. Сейчас она просто заговорила с мужем. Он даже рот открыл от неожиданности.

– Ну, все, Сережа, пиши скорее заявление на увольнение. Кажется, скоро тебе можно будет заняться нормальным делом.

Сергей, хотя и считал дело, которым занимается, нормальным, предпочел не спорить с супругой, быстро написав заявление на увольнение с работы по семейным обстоятельствам.

Забрав бумагу, вошедшая повернулась и сразу же вышла обратно на улицу. Она опаздывала и поэтому временами почти бежала.

Кафе «Радуга» являло собой небольшое уютное заведение в центре города. Здесь неплохо кормили, но цены держали под стать хорошему ресторану, и поэтому посетителей, как правило, было немного. Войдя в вестибюль, перевела дыхание и сейчас уже не торопилась. Сняв пальто, не спеша расчесалась. Негоже появляться здесь запыхавшись. Не стоит показывать Вадиму то, как она так спешила к нему.

В зале сразу же увидела того, кто был сейчас так нужен. Вадик сидел за отдельным столом в дальнем углу и тоже ее приметил, так как ждал уже давно и с нетерпением. Заговорили сразу о деле.

– Ну вот, кажется, все и налаживается, – с этими словами протянула ему листок бумаги.

– Это заявление на увольнение с работы.

– Завтра я заеду на завод и улажу все формальности.

Мужчина закурил, развалившись в кресле.

– А к вечеру пусть будет дома. В восемнадцать ноль-ноль машина соберет всех и доставит на место. Да не напрягайся ты так. Ведь не навечно же его отправляешь. Вернется скоро, да и денег заодно подзаработает.

В ответ Таня лишь растянула губы в искусственной улыбке. Видимо, её женское чутье подсказывало, что уедет супруг надолго, если вообще не навсегда. К тому же она все еще не могла справиться со странной неизвестной тревогой, исходящей откуда-то из самой глубины души.

Разговор в этот вечер не клеился. Возможно, оттого, что у Вадима голова была занята своими проблемами, а его собеседница все время думала о своем.

– Сегодня днем, когда ты позвонила, то говорила каким-то странным голосом. С тобой все в порядке?

У женщины не возникало ни малейшего желания объяснить своему другу то, какие мысли теснились в тот момент у нее в голове и почему голос, звучал так отвлеченно.

– Да так, голова немножко закружилась. Я же беременная, Вадик. – Сказала первое, что пришло в голову.

– Да?!

– А ты что, не знал, что ли? – прикусив язык, густо покраснела.

На лице у Вадима застыла гримаса удивления. Такого ответа он никак не ожидал.

– От кого, от него, что ли?

– Ну, а от кого же еще, от тебя-то вроде по сроку не подходит.

Говорила улыбаясь и уже окончательно оправившись от смущения. В конце концов Сергей – ее муж, а это всего-навсего знакомый, пускай, и очень хороший.

– Послушай, Танюха, ты что, с ума сошла, что ли? В наше время иметь двоих детей?! Этого себе даже богатые люди не позволяют. Тебе что, с одним мало мороки, что ли? А Сергей, ты и сама понимаешь, плохой помощник в воспитании ребенка.

С первым ребенком, действительно, мороки было предостаточно, и она задумалась. Вспомнила постоянные ссоры с Артемом, бессонные ночи, когда тот был совсем еще маленьким, его постоянные скандалы с мужем. Мальчик как будто за что-то злился на отчима и пытался специально поссориться с ним, используя при этом любую мало-мальскую возможность. Сына Таня жалела, он ведь рос без отца, и поэтому всегда за него заступалась. Она только сейчас вдруг поняла, что во многих ссорах с мужем виноват был именно Артем. Косвенным подтверждением этого являлось и то, что когда мальчика не было дома, они почти никогда не ругались. Но материнский инстинкт оказывался, как всегда, сильнее голоса разума. Все шло своим чередом.

Женщина не исключала, что у нее может появиться и третий муж, и боялась, что с ним и ребенком, которого она сейчас в себе носит, может повториться та же самая история. Это было бы уже слишком.

«Но какое дело до всего этого Вадиму? Возможно, что он на что-то рассчитывает. Но я никогда не пошла бы замуж за этого лысоватого человека с масляной улыбкой на лице. Хотя, как знать, как знать. Жизнь – штука такая, что никогда ничего нельзя загадывать наперед».

– Я подумаю, Вадик, – наконец, справившись с эмоциями, ответила невнятно, словно выжимая из себя каждое слово.

– Пойду, пожалуй. Что-то устала сегодня. Завтра позвони мне.

– Постой, я подвезу, – с готовностью произнес её собеседник.

– Нет – нет, тут совсем близко. Пожалуй, прогуляюсь.

Он поцеловал ее на прощание в щеку. Таня вышла в вестибюль. Пожилая, полная и вечно чем-то недовольная дама в гардеробе долго искала пальто, бормоча себе под нос что-то непонятное.

Осенний вечер встретил колючим снегом и резкими, пробирающими до самых костей порывами ветра. Поежившись от холода, не торопясь, пошла в сторону дома по уже опустевшей улице, освещенной светом неоновых фонарей. Мысли путались в голове, но мало-помалу они выстраивались в определенный ряд, в котором постепенно вырисовывался план убийства под названием аборт. Смена названия, естественно, никак не влияет на его смысл и не меняет суть дела. Лишение человека жизни, даже если с момента зачатия прошло всего несколько месяцев, как бы мы его ни называли, все равно остаётся убийством. Женщина это прекрасно понимала, но сейчас она была не склонна к сантиментам. Незаметно для себя, занятая своими мыслями, дошла до дома, поднялась по знакомой лестнице и вставила ключ в замочную скважину. Войдя в прихожую, разделась, сняла сапоги и сразу прошла в комнату. Сергей смотрел телевизор с совершенно безразличным, на первый взгляд, лицом.

– Сережа, я хотела с тобой поговорить, – неожиданно для самой себя обратилась она к мужу таким тоном, каким никогда раньше с ним не разговаривала. Сердце человека неприятно защемило. Супруга отчего-то сильно хотела его заранее утешить. Он прекрасно это понимал и, пожалуй, даже догадывался отчего.

– Сережа, ты знаешь, я решила сделать аборт. – Над комнатой повисла не предвещающая ничего хорошего тишина. Лицо мужчины внешне никак не изменилось, и только он один знал то, что творилось в тот момент у него на душе. Сказав то, что хотела сказать, просто устала в телевизор, всем своим видом показывая, что вовсе не собирается спрашивать ни у кого совета. Она сама для себя давно уже все решила и сообщила сейчас о своём решении лишь для того, чтобы потом это не было для мужа неожиданностью.

В ответ ожидала услышать крик, ругань, мат, – ну, в общем, все, что угодно, но только не молчание. От этого стало как-то не по себе, и Таня украдкой, искоса взглянула на супруга. А то, что увидела, заставило вдруг вздрогнуть. Мертво-бледное лицо и безразличный, ничего не выражающий взгляд отдавали ледящим душу холодом.

– Ты знаешь, – наконец, проговорил он, – ты хочешь убить ребенка, не спросив на то моего мнения? Но ты забыла, что у тебя тоже есть сын. И если ты убьешь самое дорогое, то, – он на секунду замолчал, – я не знаю, что я тогда сделаю.

То, каким тоном это было произнесено, заставило мамашу поверить его словам. Она поняла, что прежде, чем исполнить замысел, нужно будет прикончить и этого человека, что лежит напротив неё на диване, а поскольку он завтра уже уезжает и придет неизвестно когда, то затее, по всей видимости, сбыться не суждено. Осталось слишком мало времени.

Заснуть не могла. В ушах стояли слова Сергея, слова Вадима. Только сейчас, она, кажется, начинала понемногу понимать, что та забота, которую проявлял Вадик к ее семье, была какой-то наигранной и неестественной. Если бы он действительно искренне любил ее, то должен был бы вести себя по-другому. Как именно, не знала. Наверное, это вновь что-то подсказывало ей женское «чутьё».

Сергей спал, мирно посапывая. Во сне он сам чем-то походил на ребенка. Тане вдруг стало жаль мужа, но это была лишь минутная слабость, с которой она сумела сразу же справиться.

«Что это я расклеилась? Ведь не на смерть же его отправляю. Съездит и скоро вернется. А там видно будет».

Рассвет наступил незаметно. Утром позвонил Вадим.

– Танечка, машина заедет после обеда. Будьте дома.

Разговор получился короткий. Ему, наверное, было как всегда некогда.

Сергей лишь безразлично спросил:

– Во сколько?

– После обеда. Точно пока не знаю. Будем ждать. За тобой заедут.

Мужчина пошел завтракать, а жена стала собирать его нехитрые пожитки.

«Вот уж действительно, всё своё ношу с собой». Она усмехнулась.

Машина подъехала часа в два. Остановившись прямо у подъезда, водитель посигналил.

– Не нужно, не провожай.

Говорил тихо. Поцеловав жену на прощание в щеку, вышел из дома, тихонько прикрыв за собой дверь. Человек быстрыми шагами направлялся к стоящему на улице автомобилю. Двое – те, что сидели на лавках возле заднего борта, помогли забраться в кузов, и Урал покатился вперед, трясясь и вздрагивая, по многочисленным ямам и колдобинам давно не знавших ремонта городских улиц. Выехав за город, автомобиль взревел мотором и устремился в сторону синющих в дали гор.

По шоссе ехали часа четыре, а потом еще примерно столько же по размытой осенними дождями горной дороге. Когда, наконец, уже в полной темноте грузовик остановился у кромки леса, взобравшись почти на самую вершину хребта, люди начали буквально вываливаться наружу. Все очень устали. Выбросив находящееся в кузове снаряжение и продовольствие, устроили привал. А машина, обдав всех очередной порцией грязи и копоти, уже исчезла за деревьями. Еще минут пятнадцать был слышен натужный рев её двигателя, то взбирающегося вверх по крутому склону, то захлебывающегося водой при преодолении очередной разбушевавшейся речушки. Вскоре все стихло. Они остались совершенно одни, один – на – один с диким и необузданным горным краем, где человек появляется не так часто. Один – на – один с краем, который не слишком-то приветливо относится к людям. И, наверное, у гор есть на это свои причины.

Закрыв за Сергеем дверь, Таня еще долго стояла возле окна и разглядывала спящих туда-сюда по тротуару людей. Неприятное предчувствие грызло душу. Она вдруг стала понимать, что этот человек, который только что уехал в кузове скрывшегося за поворотом грузовика, был бесконечно дорог и, несмотря на то, что они все время ссорились и ругались, казался сейчас гораздо надежнее и ближе всех остальных. Что-то подсказывало женщине, что она долго не встретится теперь со своим мужем. Стоявшая гнала эти мысли прочь, но они возвращались вновь и вновь и, казалось, вовсе не собирались спрашивать ни у кого на это разрешения.

«Тьфу ты, – разозлилась вдруг на саму себя, – ерунда какая-то», – и, отойдя от окна, пошла на кухню греть кофе. Скоро должен прийти из школы сын.

Стук в дверь отвлек от мрачных мыслей. На пороге стоял Артем. Мать поцеловала школьника в щеку.

– Проходи, раздевайся, будем обедать.

Мальчик подсел к ней за стол.

В последнее время его поведение вызывало сильную тревогу. Ученик иногда стал прогуливать занятия, не проявляя ни малейшего желания учиться. Уроки делал из-под палки, и с каждым днем становилось все сложнее и сложнее совладать с ребёнком. Так долго продолжаться не могло. Разговора не получалось. Он постоянно спорил о чем-то, не желая даже

выслушать. Это выводило из себя. Таня начинала кричать, ругаться, а иногда даже хваталась за ремень.

А Артем, между тем, хотя и не желал учиться и совершенно ничего не читал, вместе с тем рос подростком очень неглупым.

– Мам, а мам, – проговорил он, тщательно пережевывая бутерброд, – а что, дядя Сережа надолго уехал?

– Я точно не знаю.

– Послушай, мам! Давай я сгоняю к папке, пускай пока с нами поживет. Он и зарабатывает намного больше, чем этот.

Таня ударила его, несильно, по губам, не дав договорить. Сын встал и пошел в комнату, что-то зло бубня себе под нос. Что именно, не расслышала или, быть может, просто не хотела слышать. Женщина поняла, что теперь, когда Сергей уехал, мириться им стает гораздо сложнее. Ведь нет общего козла отпущения, на котором всегда можно выместить злость. Она прекрасно понимала также, что постепенно теряет контроль над ребёнком.

«Нужно срочно что-то делать». И Тане вдруг показалось, что она нашла выход. «Пусть с мальчиком поговорит Вадим. Такой сильный человек, как Вадик, должен, несомненно, стать авторитетом для него и, конечно же, окажет благотворное влияние. Сегодня вечером мужчина непременно позвонит, – они договаривались, – и, наверное, назначит встречу на завтра, в кафе. Там, вдвоем, наедине, можно спокойно все обсудить». Скорее всего, новый друг тоже жаждет этой встречи, наверное, хочет сказать что-то важное.

Глава 5

Край живописный, но суровый
Душой познал отшельник старый,
Что жил в глуши лесов сосновых.
Он, словно путник запоздалый

У горной речки насладиться
Струею чистой и прохладной
Всегда был рад. Был рад напиться
Ее водой, такой приятной.

С народом пришлым и неновым
Горячей дружбы не водил он.
И потому, наверно, лишним был
В поселке – там не жил он.

В миру не мог с людьми ужиться,
Где правят нравы лжи и лести.
Душою с ними не смириться –
Там нет ни совести, ни чести.

И лишь когда судьба лихая
Берет за горло хваткой мертвой,
На помощь, хоть его не звали,
Придет всегда. Злодейке подлой

В лицо все выскажет. И видно,
Не сможет жить уже иначе.
Поддержит, твёрдою рукою
В несчастье, горе, неудаче.

Слова слащавые не ведал,
На лесть, способен был едва ли.
И видно оттого в народе
Его, отшельником прозвали.

Ярко-красное солнце склонялось к закату, освещая своим чудесным светом окрестные леса. Оно, как бы давало еще один шанс всему живому в последний раз насладиться своим тёплым и нежным сиянием перед стремительно приближающимися осенними сумерками. Еще минута – и светило спряталось в ветвях огромной липы, одиноко стоящей на самой вершине скалы. Казалось, что оно резвилось и играло в ее развесистой кроне, искрясь и переливаясь порою самыми неожиданными цветами. Но прошло еще несколько минут, и вся эта волшебная радуга скрылось за горизонтом. На вершине дерева одиноко сидел коршун. Для него закат еще не наступил. Он в последний раз спокойным взглядом окидывал близлежащую окрестность. Вдруг птица сорвалась с дерева и, расправив крылья, стремительно понеслась вниз, едва не цепляясь за верхушки деревьев. Но на сей раз, ничего видимо не получилось, добыча ускольз-

нула. Неудачливый охотник круто взмыл вверх, сильно взмахнув крыльями, а потом исчез где-то под кронами огромных сосен.

Прямо у подножья совершенно отвесной скалы бил из-под земли ключ со студеной и прозрачной, словно слеза, водой. Ручей, весело журча и прыгая по мелкой гальке, нес холодную и свежую ключевую воду вниз, даря влагу и жизнь всему живому вокруг.

Ниже скалы, на вырубках, прямо на берегу речушки, стоял небольшой свежесрубленный домик. Если сказать точнее, то срубили его лет пять назад. Но за это время огромные листовенницы толщиной не меньше метра время тронуть еще не успело, они лишь слегка изменили свой цвет, чтобы пролежать здесь еще не один десяток лет.

Раньше, когда в этих местах велись лесозаготовки, в доме жили рабочие. Ввиду удаленности от человеческого жилья, не было возможности привозить сюда людей каждый день, и поэтому работали вахтами, по две недели. Валили лес только зимой. Кроме зимника, других дорог сюда никогда не было, вокруг лишь скалы да топи. Летом техника просто-напросто простаивала, и для ее охраны оставался один-единственный человек – сторож дядя Федор. Хотя и сторожить-то здесь, пожалуй, не стоило, и он выполнял скорее символические обязанности. Раз в неделю с вертолета сбрасывали продукты и почву. Пилоты, убедившись что у старика все в порядке, улетали, а он, вновь оставался один, наедине с самим собой, да, пожалуй, еще тайгой – диким и необжитым краем, что многие лета манил и манит к себе беспокойные души, которые нередко находят здесь своё успокоение, что длится порой целую вечность.

Одиноким, однако, он себя в этой глуши никогда не считал и мог часами просиживать на берегу ручья, разговаривая с лесом, землей, водой. Старик видел их, безусловно, предметами одушевленными, преклонялся и уважал. Со стороны могло показаться, что он сошел с ума от одиночества, а в народе вообще рассказывали самые невероятные истории. И хотя можно без преувеличения сказать, что этот человек с людьми не общался, а, совсем напротив, старался вести как можно более уединенный и даже скрытный образ жизни, в деревне про него знали все. Говаривали даже, будто бы водит странный «отшельник» дружбу с самим лешим.

Однажды два охотника встретили Федора в лесу со сломанной ногой. Перелом был открытый, и кость торчала наружу прямо из бедра. Они ему не помогли. Просто развернулись и ушли восвояси.

«Пусть подыхает. Собаке – собачья смерть». По всем правилам медицинской науки, человек с подобной травмой должен потерять сознание от болевого шока и уж во всяком случае никак не смог бы самостоятельно передвигаться. Случилось так, что через месяц те двое вновь попали в эти места. Идя берегом ручья, они увидели незнакомца и сразу узнали его. Мурашки забегали по спине, а лоб покрылся мелкой испариной. Старик поднялся на ноги и скрылся в зарослях черемухи, не проронив ни слова.

Лучше дяди Федора здешние леса не знал никто. Он исходил всю окрестную тайгу вдоль и поперек, мог обходиться в лесу без еды и одежды, неизвестно чем питаясь и неизвестно как умудряясь не замерзнуть. Все это вызывало у людей самые разные чувства. Кто-то его ненавидел, кто-то боялся, а кто-то, напротив, уважал.

В тот вечер человек просто сидел на крыльчке, подшивая, по обыкновению, валенки. Он наслаждался сейчас такими скудными на тепло лучами осеннего светила. Багровый закат и неумолимо приближающиеся сумерки наводили на мысли о чем-то вечном, самом главном и самом высоком в жизни. Сидящий изо всех сил старался гнать прочь от себя назойливые идеи, которые беспорядочным потоком, несмотря на все усилия, лезли к нему в голову.

Он давно и пристально наблюдал за опушкой леса. Там в кустах лежал огромный бурый медведь. Косолапый явно выжидал чего-то. Выходить навстречу незваному гостю у дяди Федора почему-то не возникало совершенно никакого желания. Лучше уж дожидаться, когда тот сам пожалует, если только действительно решил наведаться на пасеку: нужно быть начеку.

И мишка, в свою очередь, долго ждать себя не заставил. Ночную тишину нарушил треск ломающейся изгороди. Федор взял ружье и вышел на крыльцо. Выстрелив в сторону непрошенного гостя, видимо, надеялся испугать зверя. Но не тут-то было. Голодный шатун лишь рассвирепел еще сильнее и бросился прямо на человека. Выстрелив второй раз, в голову, старик взял чуть выше, и пуля лишь вскользь задела широкий мохнатый лоб, не причинив его хозяину никакого вреда. Этот поединок, по всей видимости, оказался бы для человека уже самым последним, но помощь пришла неожиданно. Между ними вдруг, словно из-под земли, вырос огромный волк. Взгляды двух зверей на секунду встретились, но силы оказались не равны, и после короткого поединка серый остался лежать на снегу в луже собственной крови. Однако этих нескольких секунд хватило человеку для того, чтобы перезарядить ружье. Он вновь выстрелил два раза в упор, и огромное тело косолапого разбойника рухнуло на снег без малейших признаков жизни.

Победителей не судят, а о мертвых плохо не говорят. И поэтому дискуссия о том, кто прав, а кто виноват в сложившейся ситуации, не стоила бы, пожалуй, и выеденного яйца. **Каждый пытается выжить, как может, однако, почти каждый может гораздо больше, чем то, что он делает для того, чтобы выжить.**

Встав на колени, склонился над несчастным. Тот еще дышал. Осторожно взяв беднягу на руки, понес в дом, стараясь не спотыкаться и не делать резких движений.

«Матерый хищник, тяжелющий-то какой», – думал дед про себя, осторожно поднимаясь по деревянным ступенькам, и только сейчас, кажется, начиная догадываться о том, что с этим серым судьба свела его уже не в первый раз.

Лет восемь назад, когда Фёдор был гораздо моложе, он любил побродить по окрестным лесам, получая от этого огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие. А однажды, подходя к пасеке, человек услышал вдруг громкое карканье ворон. Так кричат вороны, почуявшие добычу. Уж это-то он знал точно, хотя охотником никогда не был и мог застрелить лишь случайную дичь. Больше всего, интересовался минералами. Да еще, пожалуй, всегда был рад поковыряться со своими пчелами. Тем не менее голос тайги знал неплохо. Годы жизни в лесу не могли пройти даром.

«Что бы это могло быть?» – подумал, спускаясь в овраг, откуда доносились истошные крики.

Страшное зрелище, заставившее содрогнуться видавшего виды таежника, предстало там перед глазами. Охотники расстреляли волчье семейство прямо в логове. Мать не бросила детёнышей, а предпочла встретить смерть вместе с ними. Волчица умерла от выстрела в упор. Тела щенков изуродовали до неузнаваемости. Крупнокалиберные пули разрывали их на куски. Кругом валялись куски туловища и оторванные лапы. Не было лишь голов.

Люди, наверное, получали удовольствие от вида крови и творимых ими изуверств. Они били зверей просто так, ради интереса, уничтожая ненавистных хищников со всей жесткостью, на какую только были способны, далеко перекрыв ту планку, до которой не смог бы дотянуть даже самый лютый зверь. Охотники, конечно же, были уверены, что погибли все без исключения. Но слабый огонек жизни в этом царстве ужаса и смерти всё еще теплился, хотя и тлел уже едва-едва. Волчонок, закрытый телом матери, чудом остался жив. Присев на задние лапы и скаля не успевшие ещё вырасти зубы, он пытался напугать огромного чёрного ворона, клюв которого был немного больше, чем маленькая головка щенка. Но зверек этого видеть не мог. Его глаза залила кровь. Федор разогнал птиц и положил покалеченного вояку в сумку, невзирая на все попытки того схватить человека за палец.

Так волк впервые попал в эту избу. Рана на голове оказалась серьезной, но молодость и здоровье быстро сделали свое дело. Уже через полтора месяца лишь широкий шрам на лбу мог напомнить о недавнем кошмаре.

А примерно через год случилось и другое происшествие. Утром разбудил торопливый стук в дверь. Гостей не ждал и потому не торопился. Одевшись, взял ружье, вышел в сени и, аккуратно поставив ствол в угол, наконец, отворил дверь. У порога стояли четыре человека, по одежде, вроде, охотники. Шесть собак, зло скаля зубы, толпились немного поодаль. Увидев, что человек открыл, двое, стоящие ближе всего к двери, направились было напрямиком в сени, но, наткнувшись на холодные стволы двустволки, немного успокоились.

– Дед, ты чего? – проговорил первый, недоуменно тараща на него свои бесстыжие глаза.

– Я-то ничего, а вот ты что?

– Да у тебя там волк во дворе прячется.

– Никого у меня там нет, а если что и есть, то это мое, раз у меня во дворе лежит.

– Да ты что, дед, он же наших собак порвал.

– Я сказал, а вы слышали, – тихо прибавил к уже сказанному.

– Ну, смотри, дед, – прошипел самый старший из стоявших перед ним.

– Я-то буду смотреть, но и вы поглядывайте. Места у нас гиблые, сами знаете.

Дверь захлопнулась. Люди потоптались еще минут пять возле крыльца и ушли восвояси, забрав с собой собак. Больше их здесь никогда не видели.

Выйдя во двор, нашел серого под крыльцом, истекающего кровью, примерно в том же состоянии, в каком он лежал сейчас, только вместо рваных ран – два огнестрельных ранения в ногу.

В тот раз зверь пролежал месяца два, не вставая. А лишь немного стал подниматься, сразу же ушел в лес.

Рассвет застал хозяина дома за весьма странным занятием. Обыкновенными сургучовыми нитками, которыми подшивают валенки, старик штопал изодранную в клочья волчью шкуру. Тот лежал на боку, зажав в своей пасти небольшое березовое полено. Зубы были стиснуты с такой силой, что дерево треснуло, а из-под сомкнутых намертво челюстей капала на пол, образуя небольшую лужицу, густыми каплями кровь. Это было единственным свидетельством той боли, которую приходилось переносить серому в эти минуты. А в остальном казалось, что волк здесь просто-напросто отдыхает, развалившись посреди жарко натопленной избы.

– Ну, ладно, ты лежи здесь, – проговорил Федор, закончив работу. Он поставил перед зубастой мордой блюдо с чистой водой и небольшую тарелку с молоком. – Бог даст, выживешь, – добавил старик, проведя рукой по мощному загривку.

Зверь провалялся недели три. Кости оказались целы, а шкура заросла быстро. Спустя некоторое время, когда гость уже начал ходить, а шрамы зарубцевались, новоявленный хирург вытащил под недовольное рычание больного остатки ниток из мохнатой одежды.

Вскоре, он ушел в лес, но жил всегда неподалеку от избы, прячась в логово, когда на вырубках появлялись вдруг люди.

Если старик отправлялся в лес, тот обычно понуро плелся позади, всем своим видом показывая:

– Ну, что тебе, дедуль, дома-то не сидится? Таскаешься по горам, мучаешь сам себя, а я, дурак, за тобой. И бросить-то ведь никак нельзя. Кто же меня потом подкармливать станет? А тут, глядишь, зиму худо-бедно переживем, и ног особо мучить не нужно.

Так было и тем хорошо им обоим запомнившимся ноябрьским утром. Федор быстрым шагом шел знакомой дорогой на вершину хребта. Там среди скалистых гребней бил ключ. Вода в нем не была минеральной, но все же имела какой-то особенный, немного подсоленный привкус. Зимой от нее всегда поднималось густое облако пара. Источник имел поистине волшебную силу. Если растереть целебной влагой тело, сразу почувствуешь необыкновенный прилив сил. В народе говаривали, что в той воде скрыт секрет вечной молодости. Деревенские много дали бы тому человеку, что сможет указать путь к роднику. Но, кроме Фёдора, никто не знал,

где именно находится «живая вода». Ручей брал начало в глубокой расщелине скалы, куда можно было пробраться, лишь встав на корточки, и терялся так же неожиданно, как и появлялся на свет, под огромными камнями.

Снега в лесу почти не осталось. Несмотря на мороз, с восходом солнца тайга постепенно просыпалась. Прыгали по веткам, радуясь неизвестно чему, красногрудые снегири. Белка, размахивая пушистым хвостом, сновала вверх и вниз по сосне. На косогоре мелькнула рыжая тень. Это лисица, обнаружив заячий след, начала свою охоту. И только горы сохраняли величественно-гордое безмолвие. Их мало интересовала вся эта мирская суета. Подставив, скупому на тепло солнцу свои скалистые гребни и «мохнатые» склоны, они спешили насладиться его последними лучами, пока светило ещё не скрылось за горизонтом.

Дядя Федор тоже спешил: «Нужно успеть вернуться засветло». Шагая по лесу, старик, казалось, был у себя дома. Идущий человек будто бы сливался с тайгой в единое целое, ни на секунду не теряя при этом бдительности. Эту привычку кровью вписали горы в его биографию. И когда идущий вдруг заметил, что молчаливый спутник отстал, сразу же остановился тоже, чтобы выяснить, в чем дело.

Волк замер метрах в пятидесяти, напряженно всматриваясь в сплошные заросли ольховника, что скрывали огромную яму, а точнее сказать, котлован, образовавшийся здесь, как минимум, со времен ледникового периода. Он ловил ноздрями воздух и тихо рычал. Федор спустился вниз по косогору, держа ружье наготове. И каково же было его удивление, когда в небольшой выемке под камнем он обнаружил человека.

Это был очень странный человек, весь закутанный в одежду из медвежьей шкуры. И даже на ногах у него красовались неплохо сшитые двойные медвежьи мокасины. По всей видимости, шкуры, мягкие и совсем не стесняющие движений, выделялись каким-то особенным, неизвестным людям способом. Старик и сам в свое время занимался кожевенным ремеслом. Но подобным образом выделывать сырье, делая его таким легким и вместе с тем толстым и прочным, не мог, как не мог, впрочем, и никто из людей, с которыми он когда-либо встречался.

Фёдор уже давно предполагал, что где-то за Урочищем дьявола живут люди. Он часто видел их следы. Это были очень маленькие следы странных незнакомцев, гуляющих по лесу в такой обуви, в какой никто из деревенских никогда не ходил. Но что это за люди, и чем они там занимаются? Старик всегда старался гнать прочь от себя ненужные мысли. И лишь когда откуда-то из-за голой сопки начинал подниматься в небо рыжий дым, мысли о чем-то неведомом и загадочном вновь посещали его.

Человек лежал с полузакрытыми глазами. Губы шептали что-то непонятное. Он то терял сознание, то вновь ненадолго приходил в себя. Наверное, незнакомец «отдыхал» здесь не очень долго. В противном случае, он бы просто замерз, если только тот народ не знает какого-нибудь чудодейственного средства от холода.

Вытащив лежащего из-под камня, взвалил его себе на плечо примерно так, как таскают мешки с мукой и сахаром, и, выпрямившись во весь рост, зашагал обратно в сторону дома. Волк смотрел на своего спутника с нескрываемым интересом. В его взгляде нетрудно было прочесть удивление: «Ну, ты даешь, дедуля. Даже я бы так не смог, хотя помоложе, да вроде, и посильнее тебя».

Незнакомец не приходил в себя почти трое суток. Он бредил, что-то бормоча себе под нос. Иногда глаза вдруг прояснялись, но совсем ненадолго, после чего лежащий снова терял сознание.

«Наверное, упал с валуна и ударился головой о камни». Старик подозревал, что, лежа на снегу, легко можно подхватить воспаление легких, и поэтому всерьез опасался за жизнь гостя. Кроме всего прочего, нога оказалась вывихнутой в голеностопном суставе. Лечил, как мог всем, что знал. На исходе третьих суток жар немного спал, и больной пришел в себя. Открыв глаза, человек осмотрелся вокруг и с удивлением спросил:

– Где я?

– Лежи, лежи: мы друзья.

– Как я сюда попал?

– Да мы тебя у ручья под валуном нашли, всего изуродованного и без памяти.

Странный человек на минуту задумался.

– Сильный зверь, – проговорил он, с удовольствием разглядывая мощную шею волка.

– А меня Леко зовут.

– А меня Федором.

– Сколько времени я здесь нахожусь? – проговорил Леко, в упор глядя на своего собеседника.

– Дак сегодня днем уж трое суток будет, – старик с интересом вертел в руках красивую фляжку из неизвестного ему нержавеющей металла, выпавшую из куртки гостя, и с любопытством спросил у него:

– А скажи-ка нам, милый, что это за жидкость такая у тебя налита в этом сосуде?

– Эта жидкость помогла мне пролежать трое суток без движения на морозе и остаться в живых. Иногда, приходя в себя, я делал глоток из фляжки. Но об этом, пожалуй, не стоит. Ты сможешь мне встать на ноги?

– Помогу, конечно, отчего не помочь. Человек ты, видно, хороший, – с готовностью ответил хозяин и, с минуту подумав, добавил:

– Хотя и странный немного.

Лежащий почесал у волка между ушей. Тот лежал довольный, положив ему голову на живот. Видимо, каким-то особым звериным чутьем он чувствовал, что «туземец» не причинит зла.

– Я знаю, ты часто ходишь за водой на теплый ключ. Так вот, если проползти еще метров десять в глубь расщелины, найдешь другой родник. Вода в нем очень холодная и на вкус совершенно пресная. Набери по литру жидкости в эти фляжки из обоих источников и наскобли коры с ольхи, что в изобилии растет на том валуне, под которым ты меня нашел. Только залезай на камень поосторожней. Иначе свалишься. Не стоит брать с меня пример.

К концу дня Фёдор принес все необходимое, и Леко без промедления принялся за дело. Он намочил тряпку в воде из теплого ключа. Кору нарезал мелкими кусочками и посыпал сверху.

– Когда я вывихнул ногу, понял, что домой мне уже не вернуться. Пришлось самому себе оказывать помощь. Но, как видишь, не смог. Хорошо еще, что ты вовремя мимо проходил.

Он сделал два глотка из фляжки и с удовлетворением проговорил:

– Эта вода удесятерит силы и помогает легче переносить боль.

После этого с совершенно равнодушным видом больной сам вправил себе вывих, а сверху положил заранее приготовленный компресс, после чего туго перевязал. Второй компресс был наложен на рану, что, словно дыра, зияла на его совершенно лысой голове.

– Ну вот, кажется, и все, завтра буду как огурчик.

Старик смотрел и удивленно хлопал глазами.

Спать легли рано. Скорые осенние сумерки не заставили себя долго ждать. А то, что произошло утром, превзошло все, даже самые смелые ожидания. Сняв повязку с головы и ноги своего пациента, «доктор» обнаружил чудо. Всё зажило за одну ночь. Вместо огромной, глубокой дыры на затылке, осталась лишь узенькая полоска. Причем, даже не шрам, а именно еле-еле заметная светлая полоса. Опухоль на ноге тоже спала. Он не верил своим глазам.

– Этого не может быть, – шептал Фёдор себе под нос. Но факты, как известно, – вещь упрямая.

За чаем Леко рассказал лишь, что живет где-то на другом конце странной долины. Он отчего-то совсем не хотел разговаривать, хотя и его собеседник тоже, в общем-то, особой болт-

ливостью не отличался. Вскоре гость стал собираться домой. Старик не отговаривал, у него тоже накопилось много работы. Выйдя во двор, принялся запрягать лошадей. Раньше, когда на вырубках шли лесозаготовки и стояла техника, всё было намного проще. Работая сторожем в лесничестве, продукты получал от леспромхоза. Но лес давно уже не рубят, и сейчас рассчитывать приходилось только на себя. Поэтому в начале зимы, когда топи и непролазные летом болота уже замерзали, а снега в лесу еще не очень много, Фёдор всегда запрягал лошадей, грузил часть меда в специально приготовленные для этой цели сани и отправлялся в поселок. Там продавал мед или менял его на продукты и теплую одежду. Словом, на все, что нужно для того, чтобы прожить еще один год в лесу.

Пенсию переводили на сберкнижку. Если денег не хватало, приходилось снимать часть сбережений. Так жил из года в год.

Вот и сейчас пришло время вновь собираться в очередную такую поездку. К обеду, уже тронулся в путь.

Вернулся дня через три. Еще на подходе к дому волк настороженно начал втягивать в себя воздух. Подъехав к крыльцу, заметил необычные следы возле ворот и сразу их узнал. Это были хорошо знакомые отпечатки мокасин недавнего гостя. Но на этот раз он приходил не один. Наверное, люди, не застав никого дома, потоптались возле ворот и ушли восвояси. Интересно, зачем же все-таки они пожаловали на этот раз? Хотя время, наверное, само все объяснит и все расставит на свои места. Но дни шли за днями, недели за неделями. Фёдор уже начал потихоньку забывать про недавних визитеров, как вдруг однажды ясным морозным утром его разбудил негромкий стук в окно. Их было трое, все как один, похожи друг на друга. Казалось даже, что и лица у всех одинаковые, словно две капли воды. Но он, конечно же, ошибался. Люди вошли в избу и уселись на лавку. Первым заговорил Леко. Да, действительно, это был он, хозяин узнал его сразу.

– Здравствуй, – проговорил вошедший. Остальные также кивнули в знак приветствия головами. Далее наступила минутная пауза. Федор понял, что они пришли, чтобы сообщить ему нечто важное.

– Ну, здравствуй, – наконец, ответил старик.

– Когда я лежал у тебя больной, то поведал некоторые из тех знаний нашего племени, про которые никто из людей знать не должен.

От этих слов на лбу выступил холодный пот. Было ясно, куда тот клонит.

«Хотя, с другой стороны, если бы пришедшие хотели меня убить, то сделали бы это незамедлительно и без лишних разговоров. Штрафовать тоже наверняка не станут, не в их правилах. Но что же гостям тогда нужно?»

Леко продолжил:

– Тайну живой воды ты знал еще до встречи со мной, но никому ее не поведал. Это хорошо, значит, ты не болтливый. Кроме того, я рассказал тебе тайну мертвой воды и тайну дерева жизни. Ты должен в присутствии всех жителей племени дать клятву, что об этих знаниях не узнает больше никто из людей, и они умрут вместе с тобой. Ибо передавать учение другим может лишь совет племени. Согласен ли ты, человек, дать слово и поклясться на крови?

– Дак уж понятно, не откажешься, – подумал про себя, а вслух спокойно произнес:

– Да, я согласен.

– Ну, что же, тогда нужно двигаться в путь. Идти придется целый день, – закончил Леко.

– Давайте выйдем завтра, пораньше утром. Нужно дать лошадям корма на трое суток. За это время я успею вернуться?

– Да, за трое суток ты вернешься. Давайте выйдем завтра утром, – согласились гости.

Серый разбойник лежал, развалившись возле пока еще холодной печки. Во время разговора он, не отрываясь, напряженно наблюдал за вошедшими, и что именно было у него на уме, пожалуй, никто в доме даже не догадывался.

На следующий день рано утром, когда небо на востоке еще лишь едва-едва начинало светлеть, двинулись в путь. Дорога в «пещерный город», как называли это место спутники дяди Федора, проходила по местам хорошо знакомым. Тропа виляла между оврагов и завалов из камней. Иногда она была видна, а местами совсем терялась, и Леко определял ее месторасположение по одним лишь ему известным ориентирам. Когда солнце уже клонилось к закату, путники подошли к центральному входу в пещеру. Протиснувшись в узкий проход, оказались в довольно просторном помещении, посредине которого горел огонь и сидели два человека.

– Садись и жди, – тихо проговорил Леко.

После этого все трое провожатых словно провалились сквозь землю. Он сел на свободное место у огня. Два новых собеседника оказались людьми, совершенно не умеющими разговаривать, по крайней мере, в том смысле, в каком это принято у обычных людей. Они сидели так в полном молчании минута за минутой час за часом, лишь изредка подбрасывая дрова в огонь, и это, пожалуй, было единственным отличием их от тех каменных изваяний, что плотным рядом так же уселись вдоль стен пещеры. Так постепенно прошла вся ночь. А утром двое, те, что сидели у огня, ушли, и их места заняли другие.

Спустя некоторое время в помещение вошли ещё человек десять, одетых более чем странно. Вошедшие сильно отличались от тех людей, что сопровождали старика в лесу, и тех, что просидели рядом с ним возле костра всю ночь. Одежда их казалась более изысканной, а кроме того, лицо и руки каким – то особым образом покрывала угрожающая ритуальная окраска.

В центре стоял абориген, в котором без труда можно было узнать самого главного. Сердце бешено колотилось в груди. Впечатлений накопилось уже более чем достаточно для одного вечера. Одиноким лесной отшельник и представить себе не мог, что практически совсем рядом с цивилизацией живет полудикий пещерный народ. Живет по своим не – писанным законам, которые, естественно, считает самыми правильными и справедливыми.

Люди расселись полукругом вокруг костра. Главный расположился посредине и оказался как раз напротив. Только сейчас Федор заметил, что стены и потолки помещения, в котором они находились, расписаны с низа и до самого верха. Это были сцены обрядов, жертвоприношений и просто жизни этих людей. От выражений некоторых лиц, пристально смотрящих с каменных сводов грота, мурашки начинали быстро бегать по коже, как, впрочем, они бегали и от выражений лиц тех угрюмых воинов, что только что вошли в этот не менее угрюмый зал. Сейчас пожилой человек, кажется, понял, что его судьба находится целиком и полностью в руках вот этих самых «дикарей», что сидели и просто молчали, тупо уставившись куда-то в темноту, и от этого на душе становилось еще хуже.

Но снаружи, он испуганным отнюдь не выглядел. Ни тени страха не было на суровом, прожженном ветрами и пропахшем дымом лице.

Глава 6

Уйдя от шума тесных улиц,
Могли ль мы знать, куда попали.
Шагая твердо в неизвестность,
Ничьей мы милости не ждали.

Но приговор, спокойно смертный,
Уж был заранее подписан.
И наш убийца неизвестный
Доволен был и независим.

Ломая жизнь, судьба лихая
Со вздохом руки утирала.
А то, что сделала, злодейка
Сама тогда не понимала.

Однообразный и утомительный переход занял не меньше трех часов. Идти стало невыносимо тяжело. Пересеченная местность и огромные рюкзаки постепенно делали свое дело. Последние два-три километра стали вообще похожими на каторгу. Тайга здесь казалась непроходимой. Завалы из когда-то сваленных бурей деревьев, огромные валуны – все это чередовалось с расщелинами и воронками, появившимися здесь как будто бы специально для того, чтобы не позволить людям пройти. И потому все почувствовали необыкновенное облегчение, когда лес неожиданно расступился и перед удивлённым взором путников предстала узкая межгорная котловина, с обеих сторон зажатая идущими параллельно друг другу хребтами.

Полоска ровной земли в этой горной стране являлась не чем иным, как долиной небольшой речушки, что протянулась на несколько десятков километров по окрестным лесам. Речка неизменно радовалась предоставленной ей свободе и выделяла немислимые зигзаги среди причудливых нагромождений камней, создавая при этом девственный и ни с чем не сравнимый пейзаж. Александрыч оказался, по всей видимости, единственным в экспедиции человеком, кто не особенно восхищался от того, что люди, наконец, увидели это ущелье, в которое с таким трудом пробирались последние несколько дней. И на то у него, видимо, имелись достаточно веские причины. Пройдя еще с километр по мелкому галечнику, оказались возле небольшой избушки, обнесенной высоким частоколом. Ребята стали готовиться к ночлегу.

Солнце уже клонилось к горизонту. Дикая природа, пока еще не тронутая цивилизацией, покоряла необыкновенным спокойствием и непревзойденным великолепием. Здесь все жило своей особенной, размеренной жизнью. Неудержимо неслась в даль неугомонная речка. Ветер слегка трепал верхушки сосен, которые в ответ лишь устало шелестели кронами. Заухал где-то вдалеке филин, недовольный причиненным ему беспокойством. Высоко в небе застыл, широко расставив крылья, коршун, внимательно высматривая свою добычу. Тайга вовсе не была такой мрачной и безжизненной, какой могла показаться на первый взгляд.

Сергей подошел к Александрычу. Старик стоял на берегу речки и неторопливо раскуривал свою трубку, всматриваясь в даль и видя, наверное, там что-то такое, что было недоступно глазам других людей. Про себя Серёга всегда называл Александрыча стариком, да и вслух многие в экспедиции частенько обращались к нему в подобном тоне, на что тот никогда не обижался. Причиной этому, наверное, являлись те огромные борода и усы, которые этот человек никогда не брил, несмотря на свой далеко не старческий, возраст.

– Александрыч, расскажи про долину, ты же обещал.

Казалось, что стоявший ждал этого вопроса.

– Рассказать-то расскажу, да вот только понравится ли рассказ-то?

– Как бы там ни было, но я должен знать.

– И никому ни слова, чтобы это между нами.

– Я понял, Александрыч.

Они сели на упавшее дерево, лежавшее на самом берегу речки.

– Вот на этой самой речушке когда-то очень-очень давно, может быть, сто, а может быть, и двести лет назад работала старательская артель. Люди мыли золото. Его здесь много, и зачастую попадаются довольно крупные самородки. Но однажды ранним июньским утром пришедший обоз с продуктами никого из старателей не обнаружил. Не нашли их ни на второй, ни на третий день. После первой точно так же канула в неизвестность и вторая артель. С того самого времени в долине бесследно исчезло много людей. Деревенские говорили, что это проделки лешего, которого сюда для охраны золота поставил сам сатана. Кто-то не один раз сжигал избу, но люди всегда вновь ее восстанавливали. Жажда золота оказалась сильнее страха.

– Когда я был еще совсем ребенком, то жил на хуторе, в двадцати километрах отсюда. Поселение состояло из семи домов. Семь больших семей. Держали много скотины и пчел. Тем и жили. Однажды у нас на ночевку остановились два геолога. Оказалось, что они собирались идти именно сюда, в эти самые места, и выяснить, есть ли все-таки здесь на самом деле золото. Мы их отговаривали, но все рассказы про лешего незнакомцы называли сказками. Уговоры не подействовали. Люди ушли и обратно уже никогда не вернулись. Через месяц все мужики, взяв с собой ружья и топоры, отправились на поиски. Никого, конечно же, не нашли, но обнаружили два обглоданных черепа на камнях. Один из них мой отец узнал сразу по железным зубам на верхней челюсти. Это были те самые геологи, что так упорно не желали верить в сказки про лешего. С тех пор никто из наших сюда не ходил. И лишь один человек до сих пор живет неподалеку, по другую сторону хребта. Это мой старый знакомый, бывший сторож с леспромхозовских вырубков. Все зовут его просто: Федор. Отчества и фамилии никто не знает. С людьми не общается, лишь при крайней необходимости. Говорят, также, что отшельник водит знакомство с самим лешим, и поэтому тот его никогда не трогает. Наверное, это все сказки, по крайней мере, я не верю.

С этими словами Александрыч довольно странно улыбнулся и похлопал Серёгу по плечу.

– Ну, да ладно, ты не забывай себе особо голову-то. Даже леший, и тот ни с того ни с сего людей не трогает. А сейчас надо идти, ребятам помогать.

Солнце уже заходило за горизонт, освещая землю своим кроваво-красным светом. Все живое готовилось ко сну. И только филин, всё так же дьявольски ухая, вновь торжественно сообщал всем о своем недавнем пробуждении.

Ночь прошла незаметно. В натопленной избе стало тепло и уютно. А когда первые лучи восходящего светила возвестили миру о том, что пришел новый день, Сергей первым вышел на крыльцо избы. Вышел и остолбенел от неожиданности. Метрах в пятидесяти от него стоял, пристально рассматривая человека, волк. Огромный матерый хищник серого цвета как бы сливался с окружающим его миром. Он смотрел довольно осмысленным взглядом, от которого стало немного не по себе, и показалось вдруг, что этим взглядом зверь словно хотел предупредить людей о какой-то грозящей им серьезной опасности.

«А может, это видение?». Он закрыл на секунду глаза, а когда открыл их вновь, то никого уже не было. Лишь бегущая в далёкую и сказочную неизвестность речка да пихты, что со всех сторон обступили долину, продолжая неумолимо шуметь, не умолкая ни на секунду.

Умывшись, Серёга вошел обратно в избу. О происшествии решил ни – кому не рассказывать. В случившемся не было ничего необычного, и его напрасное беспокойство скорее всего попросту поднимут на смех.

«Что же, пока всё идёт по плану, а дальше видно будет».

– Пора приступать к работе, – сухо объявил Александрыч за завтраком.

– Разделимся на три группы. Сергей, Толик и я обследуем Северную, наиболее удаленную от избышки часть долины. Сашок и дядя Гриша пойдут по ручью на хребет, а Паша с Леликом займутся южной частью урочища.

– Давай мы пойдем на хребет, – попросил Паша.

– Нет, пожалуй. И все, закончим на этом, – подвел итог старик.

Рюкзаки со всем необходимым собрали еще с вечера, и через пятнадцать минут люди уже двинулись в путь.

«Командуют тут всякие!» Паша еще долго бубнил что-то себе под нос, понуро плетясь вслед за Леликом. Если сказать честно, то он вообще не хотел никуда идти и был бы не против попросту как следует выспаться.

Александрыч шел впереди, за ним Толик, Сергей замыкал колонну. По неглубокому снегу шагали легко, и у Сереги вдруг возникло чувство, что не одни они ходят по этой дороге. Случайные ветки не били по лицу, под ногами не валялись гнилые сучья, да и все крупные камни кто-то как будто специально убрал в сторону. Создавалось впечатление, что люди идут по нахоженной тропе, которой в последнее время почему-то перестали пользоваться.

Солнце уже вставало над горизонтом, освещая непривычно ярким для этого времени года светом окрестные леса. Горная речка, что совсем недавно с бешеным ревом неслась вперед, сметая все на своем пути, за последние двое суток сильно поубавила прыть, и теперь уже не казалась такой грозной и неприступной. Километра через три узкое, зажатое с двух сторон скалами плато, расширилось, образуя довольно обширную территорию.

– Вот отсюда и начнем с божьей помощью, – со вздохом проговорил Александрыч, ставя рюкзак на землю. – А сейчас перекур.

Он раскурил свою огромную трубку. Разговор не клеился, каждый думал о своем. Все прекрасно понимали, что здесь что-то не так. Не выходил из головы случай с теми тремя охотниками за удачей, что шли впереди и вдруг так внезапно исчезли. К Сергею нахлынули воспоминания о доме, о жене, о еще не родившемся ребенке. Несбыточной мечтой казалась сейчас встреча с ними.

– Толик, сгоняй-ка за дровами, – обратился старик к своему напарнику. – Сейчас костерок заварганим да картошечки испечем. Я вон и котелок захватил, чайком побалуемся.

Толик, ни слова не говоря, взял топор и пошел к ближайшим кустам. Серёга, чувствуя, что этот человек хочет ему что-то сказать, но упорно молчит, начал первым.

– Здесь уже кто-то побывал до нас?

– Да, – коротко ответил тот в ответ и указал на ямы вдоль берега. – Здесь уже кто-то искал золото. Нам, конечно, до этого нет дела, но будем начеку.

Вскоре небольшой костер, весело потрескивая, обогрел сидящих вокруг него людей. Закипел чай.

– Чего носы повесили? Все идет, как говорится, по распорядку, – Александрыч с улыбкой похлопал Серёгу по плечу.

Отдохнув после длительного перехода, с усердием принялись за работу. Не успевшая пока промерзнуть земля особо не сопротивлялась. Она без труда расступалась под киркой и лопатой. Копали одну большую яму, в том месте, где, по мнению старого геолога, могла проходить золотоносная жила. Работали с азартом, полностью отдаваясь тяжелому труду и пытаясь при этом хоть немного отвлечься от тревожных мыслей, которые не – прошеными гостями так и лезли куда-то в самую глубину души, приводя людей в смятение и заставляя их замкнуться в самих в себе.

Выкопав шурф глубиной с метр, вновь остановились для отдыха. И тут произошло то, от чего роющиеся в грязи искатели приключений на секунду потеряли дар речи. Александрыч

вдруг наклонился и выковырял из жидкой грязной каши, что скопилась на дне, камень весом примерно граммов в 200–250. Когда он обтер его, на свет ясно проступил желтый металл. Да, действительно невероятно, но это был огромный золотой самородок. Люди ожидали что угодно, но только не это. Чтобы вот так, с первого же захода, сразу наткнуться на сокровище. Этого даже предположить никто не мог. После находки опять без усталости работали, не давая себе ни минуты передышки, с остервенением и до полной темноты ковыряя лопатами извилистый берег речки. В результате – десятки кубометров перекопанной земли, еще два крупных самородка и золотой песок. Всего около килограмма чистого золота.

До избы дошли быстро. Усталости не чувствовалось. Физическую усталость с лихвой восполнял невероятный душевный подъем. Драгоценный металл оказался неплохим лекарством, хотя нет, наверное, это был всего лишь наркотик, что позволял на какое – то время отвлечься от проблем, не решая, а, совсем напротив, ещё более усугубляя их впоследствии.

Сашок и дядя Гриша тоже вернулись не с пустыми руками. На горе они обнаружили пещеру. Внимательно обследовав ее, нашли там зеленые камни, взглянув на которые Александр сразу узнал малахит. А два неказистых «булыжника», что Григорий небрежно сунул себе в карман, оказались алмазами. Не особо крупными, но, тем не менее, очень драгоценными и дорогими камнями.

Вскоре вернулись и Паша с Леликом, притащив с собой несколько изумрудов. Они сразу стали живо интересоваться, сколько может стоить их находка, а когда узнали, то странно переглянулись между собой, как будто сожалея о том, что показали камни ребятам. Всё сложили в деревянный ящик, давно пылившийся в углу комнаты под старой кроватью и не находивший себе до сих пор никакого применения. Охранять найденное поручили Толику. Старик отдал парню свой карабин.

– Больше не пойдешь с нами копать – будешь здесь караулить, – произнес он тоном, не терпящим возражений. Всем безумно хотелось спать. Ведь позади был тяжелый день, а впереди предстоял, по всей видимости, день тяжелый еще более, чем предыдущий. Но сон почему-то не приходил. Душу переполняли впечатления. Ребята спешили поделиться ими друг с другом. И только Паша с Леликом держались обособленно от остальных. Наверное, у них была своя тайна, о скрытом смысле которой посторонним знать не дано. Но на это сейчас никто внимания не обратил. Не придали значения и тому, что в долине повсюду присутствовали признаки пребывания людей. Внимательно осмотреться вокруг и подумать о том, что же все-таки делать дальше, сейчас уже никто не мог, ведь для этого пришлось бы отвлечься от того драгоценного сияния, что затмило очи этим людям, всем до единого. Голос разума затуманили безумная радость и ликование от блеска золота и сверкающих изумрудов.

Вскоре все уснули, чтобы с утра чуть свет вновь выйти на работу.

Так продолжалось три дня. А на четвертый случилось то, что заставило обезумевших от удачи старателей, наконец, приостановиться и задуматься над тем, что же здесь всё-таки происходит и куда же, наконец, они попали после стольких дней невыносимо тяжёлого пути.

А произошло то, чего никто и никогда не смог бы предположить даже в страшном сне. Утром четвертого дня, как обычно, стали расходиться на работу. Толик остался в избешке. В свободное время он занимался заготовкой дров и уборкой дома. Грабителей парень особо не опасался, но тем не менее карабина с плеча никогда не снимал. Не пошли на работу лишь Паша с Леликом. Отойдя с километр от избы, они сели на камень, принесенный сюда половодьем, и закурили, пристально глядя на мутную и холодную воду.

– Ну, что, Пашка, пора, пожалуй, кончать весь этот концерт. Что там у нас на сегодняшний день в ящике-то накопилось? – Лелик достал из нагрудного кармана записную книжку.

– На вчерашний день было четыре крупных самородка и золотой песок весом где-то около пяти килограммов, два алмаза, восемь изумрудов и целая куча малахита под кроватью. И это за три дня работы наобум, без всякой подготовки.

– Вот это да! Не слабо! – воскликнул, тараша на товарища от удивления глаза, Пашка.

– Да уж хозяин будет доволен. Действительно, пора закругляться. Сейчас грохнем Толика, и концы в воду.

– Да ты что! С ума сошел, что ли? Убивать Толика не станем. Нам за это не платят, и лишняя мокруха ни к чему. Забрать драгоценности и смыться, как ты понимаешь, тоже не сможем. У шефа руки длинные. Он нас из-под земли достанет. Пусть уж лучше все идет по плану, как задумал хозяин. Те парни, что сейчас поджидают нас в ущелье, все сделают как надо.

– Давай по порядку.

– Сейчас идем в избушку, якобы сломалась кирка, и мы вернулись, чтобы взять новую, – с этими словами Паша сломал совсем еще новый черен у кирки, – Толик ничего не заподозрит. Я его отвлеку, а ты стукнешь не – сильно по голове. Смотри только, не переборщи, не помер чтобы. Потом быстро вяжем по рукам и ногам. Забираем только самое ценное, ровно столько, сколько сможем унести. Я вот тут вчера бумажку у Александрыча из кармана вытащил. Здесь карта долины. Как видишь, все правильно. Где сколько нашли мы и сколько находили до нас. А вот эта карта для хозяина. Здесь все с точностью до наоборот. Так что пусть они еще порыщут в поисках золотишка-то. А мы с тобой отчитаемся перед шефом и вновь вернемся сюда, чтобы взять столько, сколько нам будет нужно. Когда придем домой, отдадим начальнику только золотой песок и ложную карту, скажем: больше ничего не было. Алмазы, самородки и настоящую карту припрячем где-нибудь по дороге в надежном месте.

– Ну, ты, Пашка, даешь, – только и смог произнести, не закрывая от удивления смешанного с восхищением, рта, Лелик.

– Ладно, время не ждет, пошли.

Павел встал с камня и быстро зашагал по направлению к избушке, товарищ поспешил за ним.

Анатолий колот дрова. Работа спорилась, и рядом лежала уже приличная куча поленьев.

– Так, я сейчас присяду на чурбак, а ты постарайся его отвлечь.

– Как дело идет? – весело обратился Лелик к работающему.

– Идет, – не замечая подвоха, ответил тот. Человеку не хотелось ни с кем говорить, а уж тем более с этими двумя, но вида он не подал.

– А мы – вот видишь – кирку сломали, – весело продолжил Лелик. – Сейчас возьмем другую и пойдем обратно. – В это время Пашка, молча стоявший позади, неслышно вытащил из-за пазухи молоток и ударил им Толика по затылку. Человек молча осел на пол. Они связали ему руки заранее приготовленной веревкой и пошли в избу. Без труда сломав замок на деревянном ящике, служившем ребятам сейфом, грабители вытряхнули себе в рюкзак все самое ценное, захватив заодно и карабин. Выйдя из дома, быстрым шагом направились в обратную сторону к выходу из долины по уже хорошо знакомой тропе.

По мере того, как Сергей с Александрычем шли вдоль извилистого русла речки, парень начал замечать, что старик ведет себя как-то странно. Он нервничал, курил на ходу сигарету за сигаретой. Было ясно, что напарник отчего-то очень сильно волнуется, но спрашивать, в чем дело, пока пожалуй не стоило.

– Захочет – сам все скажет.

– Послушай, Серега, – нарушил, наконец, напряженное молчание идущий впереди.

– Ты знаешь, Пашка с Леликом наверняка что-то замышляют. Вчера полночи шептались. Хотел я послушать, да устал за день, уснул ненароком. И еще карта вот пропала. А вчера Пашка рылся в карманах моей куртки, сказал, что сигареты искал. Кроме него, карту взять некому.

– А что за карта-то?

– Это карта моего отца – он иногда копал здесь со своими друзьями. Я про это мало знаю. Совсем мальчишкой был тогда еще, а мать никогда ничего не рассказывала. Там результат всей его жизни да еще и половины моей. Есть все, вплоть до целебных источников, расположенных

на вершине этого хребта. Неспроста же ведь мы начали копать именно здесь и сразу же нашли то, что искали.

– Ну, ты даешь, Александрыч. Ты чего молчал-то до сих пор?

Глаза у Сергея округлились от неожиданности сказанного.

– Я тоже вчера видел, как Лелик подозрительно долго ковырялся в нашем ящике, после этого что-то записывал к себе на листок. По-моему, он переписал все содержимое «сейфа». Ни слова больше не говоря друг другу, оба встали и быстрым шагом, почти бегом, направились обратно. На душе скребли кошки.

– Только бы успеть. Только бы ничего не случилось.

Тревожное предчувствие заставляло идти все быстрее и быстрее. И оно только усилилось, когда друзья приблизились к своему жилью. Не шел привычный дымок из трубы, тишина неприятно резала уши. Подойдя к крыльцу, сразу же заметили Толика, связанного по рукам и ногам.

– Толя, Толя – что с тобой? – первым кинулся к другу Сергей.

Анатолий приоткрыл глаза. Александрыч достал охотничий нож и перерезал веревки. Толик протер лицо снегом и с трудом поднялся на ноги.

– Черт. Голова раскалывается, но кости вроде бы целы, – говорил он, потирая ушибленный затылок.

– Нужно идти прямо сейчас. Они, вроде, недавно ушли. Вон и следы, свежие совсем еще.

– Да кто ушел-то?! – спросил старик, хотя, наверное, ему и без этого стало уже все понятно.

– Да Пашка, Пашка с Леликом сейф, похоже, выпотрошили. В эту минуту из дома вышел Сергей.

– Пусто, – тихо проговорил он.

– Действовать нужно немедленно. Толя, ты давай дуй на гору к дяде Грише. Найдешь их по следам. Скажешь, что случилось. Возвращайтесь и ждите нас здесь. А мы пойдем за этими двумя подонками и попробуем понять, что же все-таки они намерены делать дальше и, возможно, если получится, попросим их вернуть награбленное. Пошли, Серега, время не ждет.

Совсем еще свежий след отчетливо виднелся на снегу. Два человека шли быстрым шагом, о чем свидетельствовали довольно глубокие отпечатки ступней и ширина их шагов. Порой они просто бежали. Пройдя с километр по тропе в сторону ущелья, через которое экспедиция вошла в долину и через которое проходила одна-единственная известная людям дорога от человеческого жилья в эти странные места, обнаружили, что след вдруг резко свернул направо и ушел вверх на хребет.

– Теперь смотри в оба. Дальше пойдем по одному, – шепотом проговорил старик.

В гору поднимались километра полтора, до скал, что протянулись сплошным каменным поясом чуть выше границы леса. У самого подножья отвесной стены оба почти одновременно увидели тех двоих, из-за которых, собственно, здесь и находились. Люди с остервенением рыли землю, сдвинув с места внушительных размеров валун. Положив что-то в свежерытую яму, два следопыта, кряхтя и сопя, задвинули камень на место. Удовлетворенно осмотрев плоды своего труда, ничего не подозревающие грабители быстро пошли обратно и вскоре уже скрылись из вида.

Подойдя к камню, Сергей с огромным трудом сдвинул его с места. Раскопав мягкую землю, обнаружили знакомый кожаный мешок. Старик развязал тесьму.

– Это уже хорошо, – шепотом проговорил он. – Самородки, драгоценные камни, карта – вроде, всё на месте. У них остался только золотой песок.

Сергей молчал, хотя чувства его переполняли. Все было ясно и без слов.

– Давай-ка, друг, перепрячем мешочек – то хотя бы вон в ту расщелину.

Засунув клад в узкую щель между камнями и тщательно замаскировав, друзья двинулись в обратный путь, ни на минуту не забывая о грозящей опасности. А она, между тем, могла прийти откуда угодно и в самый не подходящий момент.

– Хорошо еще, что не пошли по следам, – переводя дыхание, проговорил Серега.

– Все равно поймут, что за ними хвост, – мрачно заметил Александрыч. – Но ты не переживай. Пусть попробуют отыскать теперь мешочек – то. Мы ведь с тобой тоже не дураки. Следы маленько запутали.

Хлесткий оружейный выстрел, нарушивший сказочную тишину уже погрузившегося было в глубокий сон зимнего леса, вдруг прервал его рассуждения. Казалось, что тайга встрепенулась и обратила, наконец, внимание на тех людей, что ради своих рутинных и мелочных делишек посмели нарушить ее величественно – неприкосновенное безмолвие.

– Нет, Серега, сейчас им, пожалуй, не до нас.

Спустившись вниз по склону, вышли на берег речки, и то, что предстало перед глазами удивленных геологов, заставило двоих опытных, выдавших виды таежников задуматься над тем, с кем же все-таки они имеют дело. Паша тащил безжизненное тело Лелика к воде. Он бросил его в мутную стремнину, и тот беззаботно поплыл вниз по течению, наверное, разыскивать то призрачное счастье, к которому так стремился всю свою короткую жизнь, ставя при этом на кон все, что у него было, а зачастую и то, чего не было никогда и никогда ему не принадлежало.

– Как жил, так и умер, – со вздохом проговорил старик, снимая шапку. Сергей молчал. Наверное, просто не было слов.

– Делиться не захотел, – угрюмо добавил он наконец.

После того, как бандит отправил тело недавнего друга в последнее путешествие, он, как ни в чем не бывало, перекинул карабин через плечо и пошел дальше своей дорогой обратно, в сторону узкого коридора между скалами, что служил путникам своеобразными воротами в эти неласковые места.

– Давай отстанем немного, – шепотом проговорил Серёга.

Павел шел уверенной походкой, ненамного опережая своих преследователей. Шагал открыто и не прячась. Выследить его труда не составляло. Вопрос состоял лишь в том, стоило ли вообще идти по следу. Хотя, наверное, стоило.

– Возможно, что где-то неподалеку поджидают дружки. Иначе он вряд ли прикончил бы своего товарища именно здесь, в самой глухомани. Не на столько глуп.

Пройдя еще несколько километров, наконец, поняли, что оправдались самые худшие ожидания. Перед входом в ущелье стояли две палатки.

– Ловушка захлопнулась, – только и смог выдать из себя Сергей. Они поднялись по крутому склону горы, спрятавшись наверху так, что палатки находились прямо под ними, и можно было отчетливо слышать все голоса. Паша разговаривал со старшим отряда.

– Они спохватятся только вечером, когда придут с работы. Карта и золото у меня.

– Я дам тебе одного провожатого – пойдешь к шефу и всё ему расскажешь. С экспедицией покончим сегодня же. Так и передай. Через полтора часа выступаем и подождем этих идиотов в их уютной избушке.

Все стало на свои места.

– Быстро уходим. Дорога каждая секунда.

Старик не мог скрыть своего волнения.

Первым шел Сергей. Александрыч почти бежал немного позади.

А в избе, между тем, все собрались и с нетерпением ожидали возвращения товарищей. Старый таёжник говорил тихо. Он уже успел справиться с чувствами, не дав панике вырваться наружу. Внешне могло показаться, что этот человек рассказывает друзьям самые что ни на есть обыденные и заурядные вещи. И лишь только внимательно посмотрев ему в глаза, понять можно было все и сразу.

– Через сорок минут они выйдут из лагеря, плюс примерно час на дорогу. У нас максимум полтора часа на то, чтобы уйти как можно дальше отсюда. Пойдем через хребет, на вырубке. Оттуда километров сорок по зимнику до поселка. Итого 60–70 километров. Другой дороги нет. Берем только самое необходимое. Даже в лучшем случае, придется ночевать одну ночь в лесу. Уходить по одному, в крайнем случае, по двое. Так больше шансов на то, что хоть кто-нибудь останется в живых. Ну, всё, ребята, времени на прощание нет. Бог даст, свидимся. Сейчас быстро собираемся в дорогу и уходим.

Глава 7

В суете и круговерти
Шумных улиц жизнь проходит.
Безвозвратно в неизвестность,
Словно тень, она уходит.

Отличить врага от друга
В этой гонке невозможно.
И лицо родное вьюге
Навсегда отнять не сложно.

Крик, о помощи молящий,
Лай взбесившейся собаки
Ничего в душе не тронут,
Не блеснет искра во мраке.

Зверь двуногий беспощаден
К тем, кто лучше и добрее,
Но заискивает подлю
Перед теми, кто сильнее.

На следующий день Вадим позвонил Тане на работу. Он был явно в приподнятом настроении.

– Как дела, Танечка? Как жизнь холостая?

– Да, вроде, все нормально. Только Артем совсем вот от рук отбился.

– Слушай, а давай я сегодня вечером к вам заеду. Посидим все вместе в непринужденной домашней обстановке. Поговорим, обсудим, что к чему.

– Заходи, если время есть свободное, я буду рада.

– Часам к девяти подойдет?

– Да, пожалуй. К девяти часам в самый раз. Мы будем ждать.

День прошел незаметно. К приходу гостя Таня готовилась заранее и ждала его с нетерпением. Она убрала в доме, накрыла на стол.

«Вадик не опоздает. Как человек пунктуальный, он должен прийти точно вовремя». Артем возился со сломавшимся магнитофоном. «Пусть доламывает, – немного с сожалением думала она. – Так, по крайней мере, хоть чем-то занят».

– Мам, а чего это ты такой марафет наводишь? Ждешь, что ли, кого? – вдруг спросил мальчик, с интересом поглядывая на мать.

– Да, с работы сослуживцы хотели зайти, – густо покраснев, ответила та.

– А-а, понятно, знаю я таких сослуживцев. Отцу, значит, прийти нельзя, а сослуживцу – всегда дорога открыта, да?

– Артем, замолчи сейчас же и вообще не смей так со мной разговаривать! – прикрикнула она на сына.

– Все, все, молчу, молчу! – съехидничал тот в ответ.

Таня чувствовала, что назревает ссора. Неторопливый, но настойчивый стук в дверь прервал разговор на полуслове. На пороге стоял Вадим.

– Артем, познакомься, это дядя Вадим, – произнесла женщина, обще – примиряющим тоном.

Артем молчал, продолжая возиться со сломанной «игрушкой».

– Привет, солдат, – обратился Вадик к мальчику. – Что, аппарат сломался, что ли? На вот, сгоняй в магазин, купи новый. – И с этими словами он протянул ребенку несколько бумажек. Тот на секунду замешкался. При виде денег его глаза загорелись уже совсем по-другому.

– А меня Артемом зовут, – ответил сидящий и взял деньги.

– Спасибо большое, я сейчас, мигом сгоняю.

– Ну, вот и хорошо, вот и познакомились. Беги в «Универсам», там и выбор больше, и качество лучше.

Быстро собравшись, он выскочил из дома. Мужчина знал, что на поход в магазин уйдёт часа полтора – два. Идти довольно далеко. К тому же, мало ли какие интересы могут появиться у мальчишки в шумном городе, когда в руках появляются дармовые деньги.

Гость сел за стол, возле которого уже суетилась Таня.

– Послушай, ну зачем ты так? Зачем ты дал ему такие деньги? Ведь знаешь же, как нам трудно будет их вернуть.

– Танечка, да что ты такое говоришь-то. Неужели думаешь, что я возьму эти копейки обратно? Это же подарок, и даже не тебе, а твоему сыну. Презент за знакомство, так сказать.

– Вадик, послушай, я все спростить забываю. Сергей когда должен вернуться?

– Ну, я думаю, что через месяц – другой будет здесь, – уклончиво ответил ее собеседник.

Она с удивлением подняла на него глаза. Сроки возвращения мужа в последнее время постоянно менялись. По всему было видно, что сидящий и сам не уверен в том, что говорит. К тому же, он от чего-то сильно нервничал. Наверное, этому человеку было обидно то, что в такие минуты женщина вспоминает о муже.

– Танечка, милая, неужели ты не видишь? Ведь это я, я люблю тебя, а не он. Только я смогу сделать тебя счастливой.

Сидящий уже придвинулся к ней почти вплотную, зажав симпатичное личико между своих жирных ладоней и обдавая его неприятным дыханием, смешанным с кисло-сладким запахом каких-то дорогих французских духов. Только сейчас она обратила внимание на то, что все лицо гостя покрывает толстый слой тонального крема, а густая шевелюра волос, аккуратно уложенных на голове, увенчанной низким лбом, чем-то напоминающим лоб обезьяны, – это всего-навсего искусно сделанный парик.

Ей стало неприятно, и, оттолкнув своего ухажера, хозяйка уже хотела было пройти в ванную, чтобы умыться, но тот грубо схватил ее сзади за шею.

– Отпусти, а то я закричу.

– Что, сука, кричать будешь?! А чего же ты не кричала, когда я тебе побрякушки золотые дарил? Несчастливая попробовала вырваться, но Вадик схватил и грубо швырнул её на пол. Падая, ударилась головой об угол стола и больше уже ничего не помнила. Очнулась лежа на диване. Рядом валялось изорванное нижнее белье.

«А ведь совсем еще новое», – подумала вдруг и только теперь поняла, что гость ее насилует. Голова закружилась, а в глазах вновь все помутнело. Но Таня вспомнила, что скоро должен прийти сын, и нечеловеческим усилием воли все-таки смогла удержать себя в руках, не потеряв в эту секунду сознание. Сколько бы эта пытка не продолжалась, но в конце концов она всё таки кончилась.

– Ну, вот и все. Он похлопал ее по голым ягодицам жирной ладошкой и уже почти весело добавил:

– Смотри у меня, больше так не брыкайся, а то в следующий раз я с друзьями приду.

Гость хотел, наверное, сказать еще что-то, но торопливый стук в дверь оборвал рассуждения. На пороге стоял Артем с огромным блестящим магнитофоном в руках.

– Дядя Вадим, а мама что, в ванной?

– Да, в ванной. Сейчас вот помоемся и к нам выйдем.

Войдя в ванную, она уже не могла больше сдерживать слез, чуть было не разрыдавшись в голос, но вновь вовремя опомнилась. В коридоре, по другую сторону двери, стоял ее ребёнок. Слезы душили, а в голове отчего-то, сами по себе, не спрашивая на то разрешения, проплывали картинки из прошлого.

Как мог этот добрый, отзывчивый и немного полноватый человек в один миг превратиться в то злое и отвратительное животное, которое так весело и беззаботно что-то болтает сейчас в коридоре. И почему Артем, мальчик, конечно же, довольно общительный, но с Вадимом до сегодняшнего дня ни разу не встречавшийся, почему он, так на удивление быстро нашел общий язык с этим изувером? Мать гнала прочь от себя навязчивые мысли, отказываясь верить в то, что её сын мог подружиться с этим человеком лишь ради денег и подарков.

«Нет, Артём не такой, он просто не может быть таким. Хотя ведь, положи руку на сердце, я и сама сблизилась с мужчиной ради денег и дорогих погремушек». От этих мыслей стало вдруг так невыносимо больно, что она чуть было не закричала.

Умывшись и приведя в порядок волосы, хозяйка, наконец, вышла.

– Артем, дяде Вадиму пора идти. Уже поздно, и его дома ждут.

– Мам, ну пусть он еще чуть-чуть с нами побудет. Сейчас вот чайку попьём. Пойдем за стол, дядя Вадим. Там мама печенье настряпала. С этими словами мальчишка взял своего нового знакомого за рукав и повел на кухню. Они уселись за столом и продолжили разговор уже как два самых заправских друга.

От такого содружества на душе скребли кошки. Навалившись на диван, ничего не выражающими глазами Таня уставилась в телевизор.

Через полчаса Вадик начал собираться домой.

– Ну, пока, Артем. Будь здоров, я пошел.

– Приходи еще в гости, дядя Вадим.

– Ладно, зайду как-нибудь.

– И не вздумай в милицию идти. Не забывай про сына, – добавил он, глядя своей подруге прямо в глаза. Мальчик не обратил на эти последние слова никакого внимания. Наверное, просто не расслышал. Ему сейчас было не до этого.

– Ну, а с этим – смотри сама, – он похлопал хозяйку по округлившемуся уже животу. – Я буду иногда заходить. Деньгами помогу, не переживай.

Наконец, гость вышел прочь, оставив дверь открытой.

Защелкнув замок, женщина вздохнула с облегчением. Ее душили слезы, злоба и ненависть к этому так отвратительному ей теперь человеку. Она прекрасно понимала, что идти в милицию, пожалуй что, бесполезно. Во-первых, у него там много знакомых, которых всегда можно с легкостью купить, а во-вторых, следователю покажется весьма странным то, что сразу же после изнасилования потерпевшая не стала кричать, звать на помощь соседей. Он спросит, почему она не вызвала милицию, в конце концов, а продолжала спокойно сидеть и смотреть на то, как насильник играет с ее ребенком. И вряд ли возможно будет ему объяснить все, что происходило в тот вечер в квартире, да и в душе пожалуй тоже. А Вадим слов на ветер бросать не станет, и свою угрозу, без сомнения, приведет в исполнение. От невеселых мыслей голова шла кругом. Нужно было что-то решать.

– Ложиться под него я больше не собираюсь. Да, пожалуй, и не смогу этого сделать. Живот становится все больше и больше с каждым днем.

За окном разыгралась самая настоящая вьюга. Буран с какой-то нечеловеческой, неистовой злобой хватал с земли охапки снега и бросал их в окно. При этом он что-то кричал и истерически смеялся. Вьюга бесилась, дополняя собой общую и без того не особенно радостную картину жизни. На подоконнике, вплотную прижавшись друг к другу, сидели два воробья.

Сидели нахохлившись и жались к промороженному оконному стеклу. Их не пугал яркий свет в доме. Птицы не замечали плачущей женщины возле окна. Они просто пытались выжить среди всей этой разбушевавшейся непогоды вместе и, как могли, согревали друг друга.

На прошлой неделе Артем убил из рогатки точно такого же воробья. Он был безумно рад, почти что счастлив. Кошки долго таскали по двору безжизненное тело птицы. А Тане вдруг отчего-то сейчас стало ее жаль. Наверное, эта убитая птичка чем-то напомнила ей самую себя. До сознания, только сейчас стали доходить те прописные истины и каноны нехитрого человеческого счастья, которые, казалось, понятны даже ребенку. И только сейчас стало ясно, что золотые серьги в ушах – они всего лишь оттягивают уши, а душу согреть может только доброта и простое человеческое участие.

Теперь она это поняла, но, наверное, уже слишком поздно. Поняла и вдруг вспомнила Серёгу. Когда было плохо, женщина почему-то всегда вспоминала именно его. Поймав себя на этой мысли, сама пока ещё не понимала, приятно ей это или нет. Из всего того, что было между ними, ничего плохого на ум почему-то не приходило. И от этого становилось еще больше.

«Сейчас в тайге выжить нелегко ни человеку, ни зверю. Хотя в наше время и в городе, пожалуй, не легче». Действительно, люди порою бывают еще более жестоки и равнодушны, чем безжалостная, но справедливая стихия. Всё это ясно стало только сейчас.

«Нужно принимать какое-то решение». Артем сладко посапывал в комнате. А его мать, сидя за столом, не могла сомкнуть глаз даже на минуту. Ночь ей, по всей видимости, предстояла бессонная. Но на всякий случай будильник все-таки завела. Утром сыну вставать в школу.

Чашка крепкого чая освежила. Время тянулось невыносимо медленно, и иногда начинало казаться, что все это не кончится никогда. Под утро, как-то незаметно для самой себя, всё-таки задремала, неудобно опершись руками о стол. Проснувшись через полчаса от резкого звонка будильника, какое-то время не могла прийти в себя. Голова гудела, словно пивной котел.

Проводив мальчика в школу, решила, наконец-то, заняться своими проблемами.

«Пойду к Веронике».

Вероника, одна из лучших подруг Тани, женщина чрезвычайно спокойная, рассудительная, работала заведующей отделением в одной из городских больниц. Быть может Татьяне в ее ситуации хотелось попросту излить душу, с кем-то посоветоваться: что делать дальше, как избавиться от насильника?

Собравшись, быстрым шагом вышла на улицу. Неистовавшая всю ночь вьюга внезапно утихомирилась. Совсем еще недавно так низко нависавшие над землей тучи исчезли, а над головой, от горизонта до горизонта, простиралось ярко-голубое бездонное небо. Солнце светило прямо в глаза. Свежевыпавший снег, что перекрасил все вокруг в ослепительно-белый цвет, искрился и переливался всеми цветами радуги в его торжественном сиянии. Город приятно удивлял взгляд особенной, не присущей ему чистотой. Пушистый снежок поскрипывал под ногами на легком морозце. Бежать никуда не хотелось. Все неприятности отступили на второй план. Таня неторопливо шагала к автобусной остановке. В этом прекрасном и солнечном мире, казалось, не могло быть места ни злу, ни насилию. Хотя это первое впечатление, пожалуй что, было сильно обманчиво, и она прекрасно это понимала.

Автобуса долго ждать не пришлось, и минут через двадцать не званная гостья уже сидела в светлом кабинете у своей подруги.

– Ты где пропадала столько времени? – неподдельно радуясь встрече, спросила у нее Вероника.

– Как дела? Свадьба, наверное, скоро? – она весело хихикнула в кулак.

– А что, Вадик тебя и заочно разведет с твоим Сергеем. Ты только попроси его.

В дверь кто-то постучал.

– Занята я, занята! Что, не видите, что ли?! – ее голос при этих словах изменился до неузнаваемости.

– Совсем уже обнаглели, прут, как к себе домой, – поставила она точку в разговоре с неизвестным посетителем. Татьяна, наконец-то, сумела собраться духом, чтобы сказать самое главное.

– Да нет же, все не так, как ты думаешь. Я, собственно, из-за этого и пришла.

Она подробно рассказала обо всех своих злключениях. Внимательно выслушав подругу, ни разу не перебив и ни о чем не переспрашивая, в самом конце рассказа женщина лишь спросила, напряженно сдвинув брови на переносице:

– Что, все так на самом деле плохо?

Произнеся это, она на минуту задумалась.

– Вот что, милая. Положение, я вижу, действительно серьезное. Есть у меня одна мыслишка. Тебе нужно на какое-то время исчезнуть. Правильно?

– Ну, правильно.

– У тебя есть сын, которого с собой не увезти и которому нужно учиться. Правильно?

– Хватит тянуть. Говори.

– И последнее. Тебе скоро нужно будет рожать.

Таня молча смотрела на свою собеседницу.

– Так вот. Есть тут у меня одна мыслишка. Короче, поедешь за кольцо. Но нужно Артема куда-нибудь пристроить. Если что, я помогу.

– Да ты что, в дурдом, что ли, я там ведь на самом деле с ума сойду.

– Ну, не кричи ты так. Не с дураками же будешь жить, а в отдельном корпусе, в отдельной комнате, вместе с обслуживающим персоналом. Да и ненадолго совсем, только пока Сергей вернется. С другой стороны, сама подумай, выбора-то нет, если хочешь сохранить детей, конечно. Охрана надежная. Вадим уж точно не доберется. Медперсонал грамотный. Роды примут, как положено. И не грузись ты так, все свои люди. Бывшие мои сокурсники. Полпуда соли съели вместе. С кем надо, поговорю. Ты лучше подумай, куда бы Артема определить. Может, к отцу? Его с собой брать не – желательно. Парню ведь учиться нужно. В общем, давай прикинь до завтра. Надумаешь – приходи. Покумекаем, как и что. А сейчас иди, а то очередь у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.